

Любовь с чистого листа

Автор:

Кейт Клейборн

Любовь с чистого листа

Кейт Клейборн

Сурсаке. Девушка в поиске

Некоторые знаки судьбы невозможно игнорировать.

«Любовь с чистого листа» – лучшая книга года по версии PopSugar и романтическая история месяца по версии Amazon. Роман входит в список десяти лучших романтических историй года по версии Entertainment Weekly.

Это роман о сюрпризах, которые преподносит нам жизнь, и о судьбоносных встречах, которые навсегда меняют нас.

Начиная жизнь с чистого листа, не забудь подобрать правильный шрифт.

Талантливая Мэг Макворт разрабатывает дизайны журналов, открыток и приглашений. Она выводит красивые символы на бумаге и отлично разбирается в шрифтах. А еще Мэг отлично разбирается в знаках судьбы, которые другие попросту игнорируют. Она обожает оставлять секретные сообщения в своих работах, но до сих пор никому не удавалось их найти.

Судьба сталкивает Мэг с Ридом Сазерлендом, ее бывшим клиентом, в чьих свадебных приглашениях Мэг оставила послание «ОШИБКА» – и оказалась права. Рид лишь хочет понять, как ей это удалось.

Буквы открывают правду не только обо мне. Иногда они говорят о других людях. Рид Сазерленд оказался как раз таким человеком.

А еще Рид Сазерленд оказался тем, кто заставил сердце Мэг биться чаще. Ведь иногда ошибка – это не конец, а начало.

«Эта книга разбудит вас посреди ночи, потому что вы успеете соскучиться по ее совершенно несовершенным героям». – Сонали Дев

«Персонажи Кейт Клейборн настолько реальны, что я забыла, что читаю художественную литературу». – Жасмин Гиллори

Кейт Клейборн

Любовь с чистого листа

Kate Clayborn

LOVE LETTERING

Copyright © 2020 by Kate Clayborn

Cover design by Kensington Publishing Corp.

Cover design by Kristine Mills

Cover photographs © Shutterstock

© Четверикова Ю., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также

использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

«Любовь с чистого листа» – это калейдоскоп удивительных открытий. Подобно искрящемуся на солнце бисеру, из которого складываются волшебные узоры, Кейт Клейборн подсвечивает самые главные темы нашей жизни, и ты вдруг понимаешь, что никогда не смотрел на любовь и дружбу под таким углом. Эта добрая история дарит надежду, которой хочется поделиться со всем миром.

Марина Петрова, редактор

«Эта книга разбудит вас посреди ночи, потому что вы успеете соскучиться по ее совершенно несовершенным героям».

Сонали Дев

«Персонажи Кейт Клейборн настолько реальны, что я забыла, что читаю художественную литературу».

Жасмин Гиллори

* * *

Посвящается маме, научившей меня всему о жизни в искусстве

Глава 1

Воскресенье, я работаю в гротеске.

Жирный шрифт для заголовков – так пожелал клиент, – макушки сплющены, как крыши и столешницы, каждая буква тянется, старается и требует, чтобы ее увидели.

Все буквы прописные, но не потому, что ей нравится кричать – по крайней мере, мне так кажется, хотя однажды я увидела, как ее муж дал их малышу глотнуть немного кофе, и от ее взгляда у него, наверное, весь подбородок облысел за сутки. Нет, я думаю, что ей просто не нравится, когда что-то выходит за дозволенные рамки. Все ровное, однообразное, без отвлекающих факторов, чтобы глазу было не за что зацепиться.

Черные и серые чернила – с этим она еще будет мириться, но не более. Это не шутка. Однажды я увеличила трекинг и добавила чуть-чуть металлика – тонкие золотистые линии к вертикальным элементам каждой буквы. Строгая нота ар-деко, с которой, я была уверена, она смирится, но открыв планер (черный, в точку, формат А4, никакой вычурности), она захлопнула его, не прошло и десяти секунд, и двумя пальцами отодвинула от себя. Рукав ее черного кашемирового свитера точно был частью этого заявления.

– Мэг, я плачу тебе не за декор, – сказала она. Будто декор – это удел хламосборщиков и наемных убийц.

Это женщина в стиле гротеск.

А я? Все эти бренды вроде транспортных компаний – большие, массивные, строгие буквы – не в моем стиле. Не в моем привычном... как там написали в прошлогоднем «Нью-Йорк таймс»? Причудливый? Жизнелюбивый? Озорной? Вот, точно: не в моем привычном причудливом, жизнелюбивом и озорном стиле. Но еще в «Нью-Йорк таймс» написали, что с буквами я могу сделать что угодно. Этим я и занимаюсь в воскресенье.

Вздыхаю и смотрю на лист передо мной, где набросала своим карандашом Staedtler[1 - Бренд канцелярских товаров. (Здесь и далее прим. ред.)] буквы:

М-А-Й

для наступающего месяца. Достаточно крупно, «А» даже пересекает центральную линию. Слово очень... очень короткое, у него мало возможностей, в отличие от моих клиентов, которым хочется красивый весенний узор перед разворотом на месяц: крупные мазки, изящные завитки на концах букв, провозглашающих радость нового месяца. Я сделала уже четыре «Цвети на своей клумбе», три «Май цветет!», а также индивидуальный запрос на «Страстный месяц май» от сексолога, у которой офис в элитном квартале Бруклина и которая сказала мне поразмышлять, не намекает ли моя коллекция карандашей на что-нибудь конкретное.

– Конкретнее моей работы? – спросила я, на что в ответ получила очень осудительно вздернутую и очень ухоженную бровь. Бровь сексолога, которая будто говорит: «Я знаю, какая пустошь у тебя в половой жизни». Планер у нее в розовой кожаной обложке с золотистой кнопкой. Надеюсь, она понимает всю иронию.

Я беру свой любимый линер из линейки Micron, тонкий и острый – ни на какие перспективы в половой жизни, я надеюсь, не намекающий – и безразлично тычу им в обшарпанную деревянную столешницу. Сегодня это мое рабочее место. В магазине тихо, осталось полчаса до закрытия.

Местные по выходным нечасто заходят, потому что здесь собирается толпа приезжих с того берега реки и туристов, прочитавших о «ламповом канцелярском магазинчике» в Бруклине, которую Сесилии удалось превратить в обязательную для посещения достопримечательность, по крайней мере для тех, кто не прочь закупиться. Но и такие покупатели давно разъехались, набрав полные пакеты милых открыток, коробочек с дизайнерской бумагой, профессиональных ручек, маркеров и карандашей, кожаных блокнотов и, возможно даже, купив парочку довольно дорогих дизайнерских подарков, которые Сесилия выставляет перед входом... В былые времена, когда я работала здесь чаще, мне нравились эти моменты тишины, когда в магазинчике нет никого, кроме меня, моего ни на что не намекающего линера и листа бумаги. И вся моя работа в этот миг – творить. Играть буквами, экспериментировать с их формой, раскрывать их возможности.

Сегодня это затишье меня не радует. Наоборот, мне хочется, чтобы вернулась эта воскресная суэта, потому что она мне нравится: шум, люди, лицом к лицу с новыми лицами. Сначала я думала, что чувствую себя так с непривычки, оттого что долго не прикасалась к телефону – вынужденный отдых от всех этих красных кружков с уведомлениями, которыми кишат иконки моих соцсетей. Это лайки и комментарии к видео, которые я когда-то выкладывала ради удовольствия, а теперь почти всегда для спонсоров. Видео, где я демонстрирую брашпены[2 - Брашпен (англ. brushpen) переводится буквально как кисть-ручка и представляет собой ручку с чернильным картриджем и кисточкой-наконечником из полимерного или натурального материала, предназначенную для рисования.], которыми вообще-то почти не пользуюсь, или плавным движением руки делаю изящный росчерк, где пролистываю толстый планер с уголками, отделанными фольгой, который я не смогу продать и в итоге просто подарю.

И все-таки я поняла, что это не только из-за смартфона. Все дело в отдыхе от списка основных задач, который я прикрепила над рабочим столом в своей комнатухе. Причудливо оформленный, но насыщенный ожиданиями дедлайн с треском приближается, а я в его сторону и шагу не сделала. Я расслабилась вдали от дома, где когда-то царила теплая и радостная атмосфера, а теперь Сибби меня как ножом режет своей сдержанной вежливостью, и я не нахожу места от грусти и обиды.

Поэтому в пустоте магазина мне тяжело и одиноко. Она напоминает об ужасе, который я теперь испытываю в подобные моменты тишины. В голове пустота и никакого вдохновения. Сейчас передо мной лишь слово М-А-Й, это должно быть просто. Должно быть легче легкого, это просто заказ, нет никакого риска, повода неделями прокрастинировать над этим заданием. Ничто здесь не требует моих идей, воображения, уникальности.

Гротеск. Жирный. Прописные буквы. Никакого озорства.

Но ведь я чувствую что-то, смотря на это слово. Что-то знакомое, что-то, от чего я все эти дни пыталась убежать.

Я чувствую, что делают эти буквы. Говорят правду, которую я не хочу признавать.

МОЖЕТбыть, у тебя ступор, говорят они. Я моргаю, чтобы прогнать это видение. Я пытаюсь ненадолго расфокусировать зрение, мысленно добавить надписи декор, представить, что мне не надо сдерживать данные клиенту обещания. Что бы я сделала с шириной нижних элементов? Поиграла бы с отрицательным интервалом или...

МОЖЕТбыть, ты одинока, перебивают буквы, и зрение снова фокусируется.

МОЖЕТбыть, говорят они, ты просто на это неспособна.

Я положила линер и отшатнулась.

И тут зашел он.

? ? ?

Дело в том, что буквы открывают мне правду не только обо мне.

Иногда они говорят и о других людях; Рид Сазерленд оказался как раз таким человеком.

Помню его, будто вижу каждый день, хотя с нашей первой и единственной встречи прошло уже больше года, к тому же в тот раз я провела не больше часа в его молчаливой, неприветливой компании. Он тогда опоздал. Невеста ждала его в магазине, чтобы одобрить мой проект шрифтового оформления их свадьбы. Даты, приглашения, карточки гостей, программа мероприятия – я занималась всем, что содержало буквы и, честно говоря, к тому моменту отчаянно хотела побыстрее закончить, чтобы наконец отдохнуть. До переезда в Бруклин я несколько лет жила фрилансом, но с тех пор как начала работать только с Сесилией и брать заказы на оформление свадеб и помолвок, которые поступают через магазин, молва обо мне разошлась с такой скоростью, что я не знала, радоваться или пугаться. Ко мне поступало столько заказов, что от части из них пришлось отказаться. Но это лишь усилило ажиотаж. Днями напролет голова моя была забита требованиями клиента и дедлайнами, а ночью руки ныли от усталости и напряжения. Я часто сидела на диване, держа в правой руке мешочек теплого сухого риса, чтобы унять боль, и выдыхала стресс от встреч с парочками и их семьями. От предсвадебной суеты они все были как на иголках, а

я с улыбкой успокаивала их, набрасывая на бумаге красивые романтические надписи, от которых они умилялись. В те времена я думала навсегда уйти из свадебного бизнеса.

Невеста – Эйвери, светловолосая и тонкая, почти всегда одета в персиковый или кремовый, или пастельно-голубой, или в любой другой оттенок, который я неминуемо заляпала бы чернилами, кофе или кетчупом – оказалась очень приятной девушкой, вежливой и сосредоточенной, прекрасно знающей себя и свои желания, однако совершенно не противящейся предложениям Сесилии касаясь бумаги и моим, касаясь леттеринга. На нескольких первых встречах я спрашивала про ее жениха: надо ли и ему тоже отправить сканы по электронной почте, или, может, найдем время на выходных, чтобы он смог присоединиться к обсуждению. В ответ она лишь взмахивала левой кистью с тонкими пальцами, на одном из которых было миниатюрное серебряное кольцо, почти неотличимое от колец еще по крайней мере трех невест, с которыми я работала той весной, и мягко произносила: «Риду понравится то, что нравится мне».

И все же я настояла, чтобы он пришел на нашу последнюю встречу.

А потом пожалела. Что увидела его. Увидела их вместе.

Теперь еще больше жалею.

Та встреча состоялась в воскресенье, так что вдвойне странно увидеть его снова в этот же день недели. В моей жизни много всего произошло, хотя сейчас я в том же магазине, за тем же прилавком, одета в то, что вроде бы соответствует моему обычному стилю – вязаное платье, не очень облегающее, с принтом – сегодня это лисьи мордашки. Поверх него немного мятый кардиган, который я всего час назад достала из сумки. Темно-синие колготки и винно-красные ботинки на низком каблуке. Сибби сказала бы, что в них мои ноги кажутся больше, но глядя на них, я улыбаюсь как минимум раз в день, несмотря на отсутствие шуток Сибби.

В прошлом году он одевался в стиле, который все называют «бизнес-кэжуал», а я – «выходные в одном месте чешутся»: брюки чинос наглажены до того, что кажутся накрахмаленными, белая рубашка с отложным воротом выглядывает из-под дорогого темно-синего джемпера. Лицо сбивает с толку, его надо разгадывать: одна половина тебя пытается вспомнить, не видела ли его по ТВ, а

другая понять не может, кому вздумалось посадить эту голову к телу в форме школьной команды умников и умниц.

Теперь он стал другим. Ну ладно, лицо то же: квадратная челюсть; гладко выбритые щеки и подбородок; высокие и острые выточенные скулы, тень от которых спускается к самому подбородку; пухлые губы; слегка опущенные уголки рта; выразительный, как и все черты его лица, нос; сияющие голубые глаза; густые брови, чуть светлее его золотисто-рыжеватых волос. Правда, книзу от шеи никакого бизнес-кэжуала: оливковая футболка, поверх нее темно-синяя куртка с чуть выцветшей у молнии тканью. Темные джинсы, руки в потертых карманах... и кажется, эти потертости не дань моде. Серые, заношенные кроссовки.

МОЖЕТБЫТЬ, размышляю я, его жизнь тоже стала другой?

И тут он говорит:

– Добрый вечер, – иными словами, у него все еще чешется в одном месте. Кто вообще так приветствует? Мой дедушка, вот кто. Когда звонишь ему по городскому телефону.

Такое ощущение, будто простое «привет» в ответ на это прорвет дыру в пространственно-временном континууме, ну или как минимум заставит его поежиться и затянуть несуществующий галстук. Не стоит судить книгу по обложке. Может быть, по пути сюда на него налетел свирепый капитан команды по дебатам и отобрал одежду? И вот почему Рид в таком виде?

Мой выбор падает на «здравствуйте», но в легком и радостном – жизнелюбивом, если хотите, тоне. Я почти уверена, что он кивнул, как будто говоря: «Что ж, это приветствие меня достойно». Мимолетно представляю его на свадьбе – наверняка он точно так же кивнул, когда регистрирующий брак сказал: «...мужем и женой». Возможно, он и Эйвери вместо поцелуя пожали руки. Думаю, она не возражала бы – ее губы всегда были идеально накрашены.

– Добро пожаловать в... – начинаю я, и он меня перебивает.

– Вы все еще здесь работаете, – произносит он тем же ровным безразличным тоном, как и всегда, но в его голосе прячется нотка вопроса, удивления.

Возможно, он знает, чем я занималась с тех пор, как оформила каждую бумажку на его свадьбе. Но, само собой, он не может знать – откуда же ему знать, – почему его свадьба стала последней в моей карьере.

Я сглатываю.

– Я подменяю владелицу, – говорю я не так жизнелюбиво, скорее осторожно. Она в отпуске.

Он стоит прямо в дверном проеме, под яркими бумажными журавликами, которые Сесилия развесила у входа. На витрине за ним выставлены обрезы дизайнерской упаковочной бумаги, о которой она рассказала мне пару недель назад, когда я приходила за покупками. Все они такие разноцветные, искрящиеся весенними розовыми, зелеными и бледно-желтыми оттенками – радостное убежище от унылой серости городских улиц. А теперь сюда будто вошел небоскреб.

Напоминает мне кое-что о Риде Сазерленде.

Каким потерянным он был тогда. Каким печальным.

Я снова сглатываю и шагаю вперед, беру линер со сгиба клиентского планера, хочу закрыть его и отложить в сторону. М-А-Й, зовет он, но тут я кое-что понимаю. Я не приму заказ на их первую годовщину. День их свадьбы – второе июня, и он наверняка планирует праздник заранее, а может, он вообще все планирует заранее. Может, у него на телефоне стоит напоминание, а Рид точно из тех, кто следует всем правилам, всем традициям. Бумага – традиционный подарок на первую годовщину, и он наверняка здесь именно поэтому. Очень мило – проделать целый путь до Бруклина, туда, где они вместе выбрали бумагу для свадьбы. Ну, или она выбрала, а он как бы... моргнул на образец так, что она посчитала это одобрением.

По мне разливается облегчение. Для его прихода есть логическое объяснение. Он ничего не знает.

И никто, кроме меня, знать не может.

Я резко отодвигаю планер и кладу руки на прилавок в готовности помочь. Конечно, с куском гранита в человеческом обличье сложно поддерживать тот дружелюбный тон, которым я здесь так известна, который помогает мне не падать духом весь этот рабочий день. По нелепости случая, на ум мне приходят лишь фразы в стиле Джейн Остин. «Не нуждается ли вы в помощи, сэр?», «Чего вы желаете в такой вечер?», «Какие бумажные изделия вас интересуют?».

– Что ж, этого стоило ожидать, – говорит он, опередив мой ответ. – С вашим успехом нет никакой необходимости браться за подобную работу.

Он говорит, не глядя на меня. Слегка повернув голову влево, смотрит на стену с дизайнерскими поздравительными открытками, которые создала Лашель, каллиграф, часто сотрудничающая с Сесилией. Яркие, чистые цвета – Лашель в основном использует перламутровые оттенки и на каждую открытку добавляет крошечные бусинки, орудуя пинцетом, как ювелир. Мне они очень нравятся, я повесила три такие у себя над прикроватным столиком, но Рид, кажется, их не замечает и переводит взгляд на меня.

– Я видел статью в «Таймс», – начинает он, видимо, намереваясь объяснить сказанное, – и еще в... – сглатывает, собираясь с духом, – BuzzFeed[3 – Американское интернет-издание.].

Забавно, думаю я, нет, даже представляю: гротеск, жирный шрифт, все заглавные, на ярко-желтом фоне. Рид Сазерленд прокручивает ленту BuzzFeed, просматривает эти двадцать гифок, на которых я вывожу буквы. Подписи под гифками кричат о том, какое порнографическое удовольствие смотреть, как плавно и безупречно я вывожу кистью «Е».

После этого у него со всей вероятностью задергался глаз. А затем он почистил историю браузера.

– Спасибо, – отвечаю я, хотя не думаю, что это был комплимент.

– Эйвери очень гордится. Чувствует себя первооткрывателем, поскольку наняла вас. До того, как вы стали... – он замолкает, но оба мы понимаем, что имеется в виду. Теперь я «Парк-Слоупский планировщик». Вот благодаря чему я больше не в свадебном бизнесе, вот почему обо мне написали в прошлом году в «Таймс», вот что привело меня к участию в трех конференц-звонках лишь за последний

месяц, вот откуда передо мной стоит дедлайн, которого я всячески избегаю. Авторские планеры и блокноты, настольные календари, бывают и нарисованные мелом настенные календари в богато отделанных особняках моих особо одержимых творчеством клиентов. Вроде тех, которые называют детей Агатами и Себастьянами, а на отделанных псевдобассейной плиткой кухнях, с цветами в вазах, стоят дубовые столы в деревенском стиле, которые и в деревне-то ни разу не были. Я не столько помогаю им планировать свою жизнь, сколько заставляю это планирование – загородные поездки с коллегами и выходные, детские праздники и уроки музыки – выглядеть особенным, красивым и легким.

– Хотите заказать для нее оформление?

Сосредоточившись на крупном проекте, я перестала брать другие заказы, но совсем не против придумать что-нибудь для бумажной годовщины. Дизайнерский блокнот, например. К тому же я как бы чувствую себя перед ним виноватой. Правда, если я угадала, то он опоздал, особенно если ему нужен дизайн на целый год вперед, что очень популярно. Клиенты из Бруклина чаще всего приходят за планером на месяц, но Рид и Эйвери, скорее всего, почти всегда на Манхэттене. На момент помолвки у Эйвери был крутой адрес на 62-й авеню. У нее столько денег, что я себе и вообразить не могу, не то что распоряжаться такой суммой.

Вдруг впервые для меня что-то в его лице меняется, как будто дрогнули опущенные уголки рта... Он улыбается? Господи, я уже забыла, что такое улыбка, с тех пор как он вошел. Удивительно, но даже мимолетная вспышка эмоции резко его меняет. Лицо, которое надо разгадывать, становится еще загадочнее. Лицо, которое лучше сфотографировать и затем проконсультироваться у друзей.

У него очень большой рост. Просто выдающийся. Я бешусь от того, что сразу вспомнила, на что якобы намекают мои карандаши и линеры.

При слове о женатом человеке, не более.

– Нет, – отвечает он, улыбка пропадает.

– Что ж, – говорю я излишне радостно, – у нас есть другие идеи подарков, а также...

– Мне не нужна продавщица, – прерывает он.

Извините... «продавщица»?

Теперь это он сделал дыру в пространственно-временном континууме или, по крайней мере, в моем обычно озорном фасаде. Как бы мне хотелось «расстегнуть» свой череп и спустить на этого человека всех своих валькирий. Это уж точно будет куда хуже грабителя-капитана школьной команды дебатов. Гарантирую.

Стою и моргаю на него из-за стойки, стараясь перетерпеть раздражение. Но затем, не успев закрыть дыру в фасаде, я наклоняюсь вперед и демонстративно смотрю сквозь стекло у него за спиной (красивой, широкой спиной, хотя какая мне разница) на улицу. На темно-зеленый козырек модного барбершопа, трепещущего на весеннем ветерке.

– Вы сюда на машине времени приехали? – мило спрашиваю я. Переношу вес на пятки, смотрю ему в глаза, надеясь усмотреть в них какую-то реакцию.

Пусто, голо. Ни злости, ни веселья. Шрифт гротеск в человеческом обличье.

– На машине времени? – повторяет он.

– Да, на машине времени. Потому что никто уже не говорит «продавщица» с ... – как назло в голову лезут одни «бумажные изделия». Так что заканчиваю я разочаровывающе, – давних времен.

Я сразу понижаю. Совершенно не умею парировать, хотя, глядя на этого мужчину с его красивым и каменным лицом, хочется научиться.

Рид кряхтит. У него светлая кожа, идеальное по эстетике сочетание с рыжевато-золотистым оттенком волос. Отчасти мне хочется, чтобы он вспыхнул от смущения, выказал какую-то физическую реакцию, которая напомнила бы мне о том Риде, которого я видела год назад. Хотя что-нибудь, доказывающее, что он не ходячая грозная туча в сезон дождей, который и так успел завладеть мной до его появления.

Его лицо не дрогнет.

Должно быть, в тот день я ошибочно решила, что он потерянный или печальный. Может, он просто робот, у которого все время в одном месте чешется. Было бы неплохо, если бы подобные размышления облегчали чувство вины за то, как я с ним обошлась, но этого совсем не происходит. Я поступила очень...

Очень заносчиво. Непрофессионально.

Но сейчас мое терпение лопнуло, и мне все равно за совершенную ошибку, тем более что он про нее не знает. Может, я не так хорошо парирую, зато великолепно, превосходно избегаю споров. Я натяну улыбку и завершу рабочий день ради Сесилии, и выпровожу его прочь, в его шикарный дом с швейцарами, к его идеальной жене, которая никогда не посадит пятно кетчупа на одежду. «Продавщица», чтоб его.

– В любом случае, – говорю я, стискивая челюсти в некое подобие улыбки. – Может быть, я могу помочь с выбором?

М-А-Й, думаю я в образовавшейся паузе. Пусто, пусто, пусто.

– Может быть, – отвечает он и вытаскивает наконец руки из карманов.

Не знаю почему, но кажется, сезон дождей – слишком слабая метафора, ведь это целый потоп. И не могу сказать, что я заметила раньше: отсутствие обручального кольца на пальце или уголок плотной бумаги, которую он стал доставать из внутреннего кармана куртки? Матовая и кремовая. Помню, как Эйвери проводила по ней пальцем – с легкой улыбкой и удовольствием? Промельк цвета – цветов, которые я использовала для завершения: лозы и листья винограда, переливчатые крылья, которые я нарисовала?..

Я знаю, знаю, о чем он пришел спросить.

МОЖЕТБЫТЬ, думаю я, мое слово отозвалось эхом и стало предчувствием.

Он молча кладет передо мной листок бумаги.

Их свадебная программа.

Я наблюдаю, как его глаза пробегают по словам, понимая, на что он смотрит. Понимая, что я оставила в тех словах и как они на меня повлияли.

Но я и не думала, что кто-то еще поймет.

Затем он поднимает на меня глаза. Ясные, голубые. Его слова обрушиваются как потоп.

– Может быть, вы расскажете мне, как узнали, что мой брак обречен?

Глава 2

Поговорим об озорном.

Не сейчас, конечно. Сейчас больше подходит: «Насколько заметно будет, если меня вот-вот вырвет от нервов прямо в мусорную корзину под прилавком?»

Что же касается свадебной программы, которую Рид положил передо мной? Программы, образовавшей абсолютный вакуум в помещении и напомнившей мне о моей беспечности?

Вот это безусловное озорство.

Эйвери пришла в голову идея оформить все в тематике «Сна в летнюю ночь»[4 - Комедия Уильяма Шекспира.], связанной с их первым свиданием. «Шекспир в парке»?[5 - Театральная программа, в рамках которой постановки шекспировских пьес проходят в театре Делакорте, театре под открытым небом в Центральном парке Нью-Йорка.] – спросила она, как будто я о нем никогда не слышала, а на самом деле точно слышала. Мы с Сибби ходили как-то раз. Я тогда только переехала, а она все еще была для меня и лучшей подругой, и профессиональным гидом – мастером отвлечения. Не сказала бы, что пойти на спектакль в парк – отличная идея для первого свидания, но только потому что на улице было минус 100500, а на сцене играли «Троила и Крессида»[6 - Пьеса

Уильяма Шекспира, относимая к трагедиям.], которая, насколько я поняла, повествует о торговле людьми и сексуальном рабстве.

«Сон в летнюю ночь» – о любви, по крайней мере в некоторых частях. Леса и феи, влюбленные пары, а у Эйвери, кажется, достаточно авторитета, чтобы контролировать изменения погоды – свидание с Ридом наверняка было просто идеальным.

Разработать дизайн было несложно. Много орнаментальности и художественных деталей, украшающих буквы, переплетенных с ними. В этом проекте я поозорничала, и всем, кто видел, понравилось.

Кроме Рида.

Сейчас выражение лица у него почти такое же, как и при взгляде на макет дизайна в нашу первую встречу. Можно подумать, он окончил курсы по нахмуриванию, а рот его словно на тетиву натянут. Пугающе сосредоточен, он точно заметит, если меня вырвет от нервов.

– Понятия не имею, о чем вы, – нервно отвечаю я. Попытки контролировать голос у меня выходят настолько же плохо, насколько хорошо Рид контролирует каждую частичку своего существа. Звучит почти смешно. Так и хочется выкрикнуть: «У меня бы все получилось, если бы не эти глупцы и их пес!»[7 - Классическая фраза злодеев из мультсериала «Скуби-ду».] Крепко сцепив руки в замок, я отодвигаюсь от программы, будто боюсь обжечься.

Но Рид не настолько брезглив. Он протягивает руку – большую кисть с широкой ладонью, длинными пальцами, к черту какие-то там намеки – и касается края листа. Я не смотрю на него, но надеюсь, что он передумает, решит, будто ему привиделось. Не знаю, что произошло между ними с Эйвери, но расставания – дело сложное: можно бесконечно размышлять, что же пошло не так? Два года назад у Сибби возникла теория, будто банджист, с которым она встречалась, не был готов к серьезным отношениям, потому что банджо «поет как странник».

Надежда, конечно, слабая, даже несмотря на то, как Рид рассматривает программу. Он не из тех – в отличие от меня, – кто врет самому себе.

– В программе спрятан код, – говорит он, все еще смотря вниз, – секретный шифр.

О, нет. Полчаса назад я сетовала на тишину в магазине, а теперь так за нее благодарна. Если бы Сесилия услышала этот разговор, если бы кто-то из покупателей услышал – боги мои, если бы это просочилось в СМИ, – представить себе не могу, какой вред это нанесло бы моей карьере. В каком свете предстала бы я после всех конференц-звонков, на которых я пообещала то, что, возможно, даже не могу выполнить. На самом деле это бы все разрушило.

– Я...

Не дав мне шанса на очередное неубедительное отрицание, он двигается, пробегает пальцем вдоль первой строки, останавливается на седьмом слове: «Обещания». Кончик пальца указывает на букву «О», вокруг которой я нарисовала первую фею: она смотрит влево, слегка касаясь вершины буквы и как бы падая, ее крылья с прожилками – для них я брала особо тонкий линер – расправлены. Я сделала ее светловолосой, чтобы придать схожести с Эйвери, хотя фея настолько крошечная, что схожести в схематичных чертах лица не увидеть.

Он передвигает палец на вторую строку, где их имена соединяет оплетенный виноградом «&». Я особенно им горжусь. Рид останавливается на втором имени невесты – Шеннон, указывая пальцем на букву «Ш», между вершинами которой я разместила капли любовного зелья из второго действия. Чуть выше капель изображен озорник пак с согнутой рукой, будто он только что свершил свою шалость.

На третьей строчке я украсила первую «И» в названии отеля «Интерконтиненталь», превратив перемычку в лиственное ложе, а длинные локоны Титании – в ножку буквы.

О-Ш-И. .

Рид ведет палец дальше. «Б» в «Бракосочетании»: очередная веселая, румяная фея висит, одной рукой держась за крышечку буквы. Затем заглавная «К» в имени скрипача Криса: фея, спрятавшись в пространство между ножками

буквы, подняла брови и приложила палец ко рту, игриво напоминая всем соблюдать тишину. И наконец, «А» в сочетании «Счастлирое событие»: ослиная голова Основы выглядывает из отверстия, длинное ухо согнуто. Рисунки распределены по всей программе, но даже так слово читается...

О-Ш-И-Б-К-А

– Но есть и другие рисунки, – говорю я. Все еще опасаясь прикоснуться к программе, киваю на цветочную арку над первой строкой. Иллюстрации в программе повсюду: какие-то на буквах, другие внутри. Цветы и лозы, фе...

– Но не таких, – прерывает он и ведет пальцем вверх по зашифрованному слову, останавливаясь на «О».

– Не фе... – начинает он и спотыкается, между нахмуренных бровей уже пролегла борозда. Думаю, Риду нечасто в жизни выпадал случай поговорить о феях. Кроме, наверное, первого свидания со своей первой женой. Он кряхтит:

– Не персонажей. Здесь только узоры.

– Это случайность, просто совпадение.

Уже произнося это, чувствую неприятный укол где-то в животе, не похожий на ощущение тошноты от нервов. Мало того что я сделала, так теперь еще и буду отпираться, пытаюсь выставить его сумасшедшим? Ужасно подло. Напоминает «Троила и Крессиду» или того хуже – дом.

– Нет. – Это самый человеческий слог, произнесенный им с момента появления сегодня в магазине. Он поднимает глаза от программы, смотрит прямо на меня и... как будто сквозь. Вот оно что, вот почему Рид Сазерленд показался мне таким грустным и потерянным. Это все его взгляд. – Я вижу это, – произносит он, – я разбираюсь в шифрах.

Моя бровь дергается на этих словах. Как будто я настолько тупая, что зашифровала слово «ОШИБКА» в свадебной программе парня, который азбуку

Морзе придумал или вроде того.

– Вы разве не в банке работаете? – спрашиваю я. Расплывчато помню слова Эйвери о том, что Рид работает на Уолл-стрит, которая всегда виднелась мне целым банкирским роем клерков в черных и темно-синих костюмах, а вместо значков у них символы валюты.

– Я биржевый аналитик, – отвечает он, будто я знаю, кто это.

– А специализация?

Покачивая головой, он отвечает:

– Построение математических моделей для инвестиций. Прогнозирование рисков, числа, коды. Понимаете, к чему я?

Не понимаю я, к чему он. На словах о математических моделях я вспомнила, как в десятом классе на уроке геометрии учитель смастерил нам куб из коктейльных трубочек и пластилина. Вряд ли Рид этим на работе занимается.

– Да, понимаю, – говорю я. Забавный факт: то же самое я ответила когда-то мистеру Местеллеру на вопрос, поняла ли урок с трубочками и пластилином. По геометрии у меня была двойка.

Тишина затянулась. Так кажется, хотя в действительности прошло всего несколько секунд. Программа между нами – словно надгробие. Надпись совершенно не жизнелюбиво гласит: «На этом месте покоится все, ради чего ты работала столько лет. Оно погибло от твоей вздорной, лезущей не в свое дело руки».

Я делаю вдох через нос перед тем, как сказать:

– Сожалею о вашем разводе.

– Развода и не было. Я не... Мы даже не поженились.

Если раньше я думала, что меня вырвет в мусорную корзину, то теперь я сама готова отправиться туда на правах отброса, которым и являюсь.

– Мне так...

– Дело не в послании, – перебивает он, схватив программу за уголок, а затем убрав руки назад в карманы и отступив. – То есть не только в нем.

Интересно, поместится ли со мной в мусорку одеяло? Подушки-то я определенно не заслуживаю.

– И все равно я бы хотел узнать. Узнать, как вы это поняли.

Он смотрит на меня с каменным лицом и печальным взглядом. Можно придумать множество ответов. Например, что я имела в виду себя, что оформлять свадьбы для меня всегда ошибка; просто это привычка, иногда я даже не осознаю, что снова взялась за такой проект; я не ожидала, что все так обернется, вы с Эйвери были хорошей парой.

Могу представить, чем это закончится. Он не так-то прост и сразу бы понял, что половина из сказанного – неправда. Однако он слишком сдержан, слишком воспитан, чтобы давить, и пусть я не выгляжу столь же воспитанной и сдержанной, все же. Все же я знаю, чем это закончится. И знаю, насколько легко умолчать самое важное. По напряженной челюсти – даже уши приподнялись – ясно, что, не получив ответа, Рид за ним не вернется, он лишь кивнет (явно неодобрительно) и уйдет из магазина. А я закрою смену и пойду домой. Переступлю порог квартиры и скажу Сибби: «Не поверишь, что сегодня случилось...»

Нет, не так. Я ничего ей не скажу, ведь Сибби едва ли понимает, что я существую не только ради половины оплаты за квартиру и счетчики. Я просто солгу Риду, и он уйдет, а я буду смотреть на М-А-Й, пока в глазах не помутнеет, в беспокойстве за свои вздорные руки, приближающийся дедлайн и полное отсутствие вдохновения. Подожду здесь, пока не придет время Сибби ложиться спать, затем пойду домой, подавленная, как до встречи с Ридом. Буду загонять себя в личный и профессиональный кризис, думая, что, МОЖЕТБЫТЬ, Рид расскажет кому-то о том, что я натворила.

Нет – я расцеплю руки и возьму программу. Вряд ли я сейчас могу посмотреть ему в глаза, поэтому гляжу вниз, на буквы – на те, что он увидел. На шифр, на код. На ошибку.

– Давайте я угощу вас кофе и мы поговорим об этом?

???

Мы идем в уютный эспрессо-бар на углу Пятой авеню и Беркли. Поближе есть еще один, в полутора кварталах от магазина, но он раньше закрывается, к тому же я нередко вижу там своих клиентов. Неловкая прогулка в пару кварталов стоит того, чтобы наш с Ридом разговор не коснулся лишних ушей.

Она, конечно, оказалась куда более неловкой, чем я рассчитывала, – мы все время молчали, за исключением того момента, когда я закрыла магазин и сильнее запахла кардиган от холодного воздуха этой затянувшейся зимы. Рид кашлянул и сказал:

– Отдать вам пиджак? – в этом даже недовольства не было, только автоматизм, как и в его воспитанном «Добром вечере». Я так удивилась, что резко ответила:

– Не надо со мной любезничать. – Он снова кивнул, и мы направились в кофейню, даже не смотря друг на друга.

А там он открыл передо мной дверь.

За столиком Рид все такой же скованный: спина прямая, плечи (все еще очень красивые) расправлены, локти прижаты к туловищу. Не дай бог он поставит их на стол, как обычный человек. В нем все еще чувствуется некая неприязнь – как будто все вокруг у него вызывает подозрение. Рид рассматривал тяжелые стеклянные банки с бискотти, ужасно большим печеньем и шоколадными шариками в кокосовой обсыпке так, будто это выставка самых отвратительных мертвых насекомых, приколотых на булавочки только для того, чтобы его выбесить. Когда я спросила, какой кофе он хочет, он ответил: «Поздновато для кофе» («поздновато»!) – и заказал травяной чай.

Мы тут словно «Антологию драмы» косплеим. Не успеваю я отпить от своего кортадо[8 - Напиток на основе кофе и молока, который готовится из эспрессо с последующим добавлением горячего молока в пропорциях 1:1. Родиной напитка считается Испания, а его название происходит от испанского слова cortar, что означает «резать».] (выбор неудачный; я не смогу заснуть, но что мне остается делать после этого «поздновато»?), как Рид произносит:

– До города ехать не близко. – Бессмысленное начало разговора на первый взгляд, но затем я поняла, что это намек поторопиться и все объяснить.

– Ээ... – начинаю я, но прерываю этот звук-паразит. Я осознала, что у меня есть такая проблема, только начав снимать видео для соцсетей. На первом ролике я говорила «ээ» на каждом третьем слове: «Для одних букв, ээ, отлично подходят карандаши, ээ, Blackwing Pearl[9 - Фирма, производящая карандаши с белым корпусом и сбалансированным графитом.] с, ээ, замечательным графитовым стержнем». Лишь спустя четыре дубля я смогла свести количество «ээ» к терпимому минимуму.

В последнем видео доказательство того, как далеко я продвинулась, – я вообще ни разу «ээ» не произнесла.

Начинаю снова.

– Думаю, мой ответ вас не очень устроит.

– Вы этого не знаете. – Ладонями вверх он обводит окружающее нас пространство. Неловкой прогулки было недостаточно, теперь еще и жесты.

Я слегка ерзаю в кресле, безуспешно пытаюсь поправить ткань платья, прилипшую к ягодицам и бедрам. Размышляю, что сказать, как объяснить чувство, возникшее в тот день, когда я увидела их с Эйвери вместе. Чувство, с каким я оформляла их программу.

– Конечно, я и раньше встречала незаинтересованных клиентов. Были встречи, на которых жених ни разу не оторвался от телефона, чтобы что-то сказать.

– Кажется, я не брал телефон на нашу встречу.

В твоей эпохе их еще не изобрели. В твоём кином мире «Антологии драмы», думаю я, но он говорит:

– Я из Мэриленда[10 - Небольшой по территории штат на востоке США.].

Не могу понять, шутит он или нет. Если да, то он стер весь юмор со своего лица, пока я не увидела. Ясно лишь то, что он хочет вернуться к этому заказу и все выяснить, и, думаю, надо ему рассказать. Впервые меня о таком просят.

– Наверное, потому что вы... ээ, вы... казались отстраненным, пусть и пришли на встречу. Очень несчастным... если честно, она тоже. Она не была такой несчастной, когда мы только вдвоем встречались.

Он отодвигается в кресле. Кажется, его спина впервые за вечер коснулась спинки мебели.

– Вам не понравилось ничего из ее выбора. Это по виду было ясно. Но вы просто моргнули и как бы стерли все эмоции с лица. – Как мне знакомо это стирание эмоций с лица. Я наблюдала, как родители делают это годами, с каждой ссорой все больше отдаляясь.

– Она хотела услышать и ваше мнение. Она была разочарована.

– Да, – произносит он совершенно серьезно, – я часто ее... разочаровывал.

Мне сразу же захотелось взять свои слова назад, смягчить как-то этот разговор, сохранить мир между нами.

– Послушайте, я вас не знаю. И не знаю Эйвери. Может, у вас в тот день была ссора или не знаю. Может, это было нормальным для ваших отношений, а я все не так поняла. Совершенно неправильным с моей стороны было...

– Вы все верно поняли, – быстро произносит он. Затем чуть сдвигает ладонь и обхватывает пальцами свою чашку, поворачивает на четверть вокруг оси. Движение выходит удивительно точным. Кажется, он не собирается продолжать, и я сижу, уставившись в свою чашку. Вдруг он заговорил, но так тихо, будто вообще не ко мне обращается.

– Я... подстраивался. Она была главной, а я следовал, потому что так было легче. Вот такие отношения.

В удивлении я смотрю на него, и в воздухе между нами вычерчивается шрифт Спенсериан – первая за месяцы искорка вдохновения. Мне это чувство знакомо, гласит надпись, но я молчу. Мы в тишине потягиваем напитки, а поскольку мой – это настоящий дефибриллятор в чашке, я первая возвращаюсь в игру.

– Я ничего подобного не планировала, – обыденно говорю я, стирая, как ластиком, уже образовавшуюся между нами связь. – Это просто случается само собой, я только потом осознаю. – Какое-то странное и новое ощущение: хочется все ему рассказать. «Иногда буквы открывают мне правду: когда мне нервно, трудно, одиноко. Когда я в ступоре... ничего не могу нарисовать, а если пытаюсь – высказываю в рисунках больше нужного».

Но что хорошего ждать, если я все расскажу? Ему это не поможет, а меня и вовсе погубит. Я не хочу, чтобы об этом пошли разговоры, ведь я многого добилась и продолжаю добиваться. Думала, что могу исправить все, отказавшись от свадебных заказов; думала, что после усилий, затраченных на собственное дело, обрету чувство собственности, чувство контроля. Конечно, планы чужие, но ведь идеи для планеров, их исполнение – это моя придумка, мое видение.

Я снова выпала из реальности в очень важный момент, и Риду лучше об этом не знать.

– Мне очень понравилось работать над оформлением, – говорю я, взяв бодрящую ноту. – Правда. Мне нравятся пьеса, отсылка к вашему первому свиданию...

Снова борозда меж бровей:

– Какая еще отсылка?

– К вашему первому свиданию. «Сон в летнюю ночь», спектакль проекта «Шекспир в парке»?

– При чем тут наше первое свидание? На первом свидании мы пили кофе в вестибюле здания, где я работаю.

– Оу, – произношу я. Внезапно кофейня, где мы сидим, превратилась в мой личный ад. Лучше бы мы занялись чем-то противоположным походу в кофейню. Как насчет вендингового автомата с таблетками снотворного? Что угодно, лишь бы не напоминало ему о свидании с бывшей невестой, чью жизнь я, возможно, разрушила.

– Встречу организовал ее отец.

– Как мило.

Совсем не мило: его борозда исчезла, теперь левая бровь вздернута вверх. «Ты это всерьез?» – будто спрашивает она.

– Он также является моим начальником.

– О бог мой, – сдавленно произношу я. – Вас уволили?

– Нет, я... – он переводит взгляд на чай, – ценный для него сотрудник. Мы решили дело любовно.

– Должно быть, очень неловко. – Вряд ли более неловко, чем сейчас здесь, но все же.

Рид слегка пожимает плечами, чуть небрежно и очень нехарактерно для него. Неожиданно.

– Это работа.

Должно быть, он говорит о своей должности, но кажется, что к этой «работе» относится и помолвка с Эйвери. И разрыв, каким бы любовным он ни был.

– Прошу прощения за то, что назвал вас продавщицей, – говорит он, резко сменив тему. Я даже не сразу сообразила, о чем он. – Само собой, мне кажется, что вы очень талантливы.

Как внезапно. Я даже приснула чуть-чуть от смеха. Пусть этот утомительный вечер нас ни к чему и не привел, но интуиция у меня хорошая, особенно когда дело касается Рида Сазерленда. И можно с точностью сказать: сегодня, как и год назад, Рид ведет себя так, будто у меня вообще никаких талантов нет.

– Само собой?

– Да, – отвечает он. – Все вышло... эм, Эйвери очень понравилась ваша работа.

– А вам нет. – Я уже жалею о сказанном. Чего я пытаюсь добиться? Что за приманку разбрасываю? Нарываюсь на комплимент от парня, которого хочу забыть как можно скорее после этой встречи? Рид знает, как я воспользовалась своим талантом, пусть лучше не вспоминает о нем вообще.

– Я... – подвинул чашку, снова как стрелка часов. – Я был поражен. Взглянув на эти буквы, я... увидел в них цифры. То, что я понимаю. Увидел знак.

Знаю, каково это. Когда я впервые увидела, то есть по-хорошему рассмотрела рукописную букву, ей оказался старый городской знак. Тогда я тоже подумала, что понимаю его. Вижу его возможности, вижу, как много эта буква выражает. Втайне мне даже приятно, что Рид испытывает то же по отношению к моим буквам.

Но нельзя воспринимать, что он сказал – будто был поражен моей работой, – как комплимент. Я поступаю подло, мелко и незрело. Моя работа не посылать людям знаки. Моя работа – оформлять людям планы, которые они себе уже построили. Надо заканчивать. На благо всех надо найти способ, как это прекратить. Ожить, выйти из творческого кризиса. Сдать работу в срок, чтобы вывести мой все еще стартап на новый уровень.

– Больше такого не повторится, – произношу я больше для себя, чем для него. Лучше бы я сказала это про себя. Про себя и перед зеркалом в ванной. В моем обещании звучит мольба, чтобы он никому не говорил, но по натянутым губам Рида я понимаю: ему вся эта ситуация не по душе.

– Могу заверить вас, что не намерен с кем-либо это обсуждать.

Видимо, это обещание в ответ – его вариация слов «я никому не скажу». Я должна быть довольна или хотя бы спокойна. А чувствую себя так, будто совершила наркосделку по версии «Антологии драмы». В прошлой эпохе.

Рид двинулся, будто собираясь встать, и мне стало страшно, что эта недоговоренность так и застрянет между нами, поэтому я решилась спросить... первое, что пришло в голову:

– Почему нет?

Вздернув левую бровь, он молча возвращается в кресло. Точным движением поворачивает чашку, затем смотрит на меня.

– То есть, если вы все знали еще тогда, почему пришли ко мне сейчас? Почему не... не до свадьбы?

– Это не было самым срочным делом в моем списке. – Этим сухим ответом он все же умудрился донести до меня мысль: я разрушила каждую деталь его жизни – отношения, конечно же, благосостояние, карьеру, возможно, даже дружбу. – И, кажется, время меня поджигает.

– Время поджигает? – Я почти визжу. С ним что-то не так? Я что, вхожу в его предсмертный список дел? Кажется, у меня глаза выскочили из орбит и полетели через стол, прямо как в мультиках. Пожалуйста, пусть с ним все будет хорошо, думаю я, переполняясь эмоциями.

– Ох, нет, что вы, – быстро говорит он, явно обеспокоившись моими мультяшными глазами. – Я переезжаю из Нью-Йорка. К концу лета, скорее всего.

– О, мне жаль.

Жаль? А чего мне жалеть? Его отъезд мне только на руку. В конце концов, это лучшее окончание такого вечера, разве что Рида вдруг поразит выборочная амнезия, и он забудет обо мне и свадебной программе.

В ответ он... усмехается? Нет ничего небрежнее фырканья:

– А мне нет.

– Не любите Нью-Йорк?

– Я его терпеть не могу.

От его тона я почти отшатнулась. Резкого, как гротеск. Никаких заглавных – терпеть не могу. Это не безобидное высказывание вроде: «Терпеть не могу эту песню» или «Терпеть не могу эти шоколадные шарики с кокосом». И вовсе не похоже на маленькие, незначительные проявления ненависти, лишаящие слово его истинного смысла.

Когда Рид говорит, что терпеть не может Нью-Йорк, он совершенно серьезен.

– Почему? – В голове у меня всплывает довольно причудливая комбинация букв, спрашивающая, «почему» я вообще решила это узнать. Я не привыкла давить на людей – тем более так настойчиво. Всегда стараюсь быть легче, приятней.

Сохранить мир.

Но с Ридом все выходит совсем не как всегда.

Его ладонь все еще на чашке. Стоит повернуть чашку, и это закончится, думаю я, что бы это ни было. В задумчивости он поджимает губы в сторону. Пусть я понятия не имею, что значит его профессия, но уверена: свои математические модели он строит с таким лицом. И с ним же он впервые увидел мои буквы в свадебной программе.

– Остановимся на том, что я так и не нашел с этим городом общий язык, – наконец произносит он. Поворачивает чашку в последний раз и смотрит на меня. – Не встретил здесь знаков.

Мне сразу хочется возразить. Да здесь знаки повсюду! Дорожные знаки, вывески, билборды, рекламные плакаты, наклейки с меню и часами работы...

Конечно же, он имеет в виду другое. Но Нью-Йорк много для меня значит, и эти знаки – его неотъемлемая часть.

Я не успеваю собраться с мыслями, он встает, собираясь унести блюдо с чашкой.

– Но вашим знакам я, можно сказать, благодарен, – говорит Рид, протягивая мне свободную руку. Я автоматически пожимаю ее – сухая и теплая ладонь крепко обхватывает мою. Совсем не по-деловому, или это мне так кажется? Хорошо, что мы больше не встретимся: совершенно не подобает думать так об этом мужчине.

Отпустив мою руку, Рид кивает в своей обычной обескураживающей манере.

– До свидания, Мэг, – говорит он и, остановившись на полпути к двери, чтобы поставить блюдо с чашкой на столик для грязной посуды, этот высокий, загадочный, старомодный Рид Сазерленд покидает кофейню.

Глава 3

Утро начинается странно: дикая боль в голове, на левом плече отпечаток телефона, на котором я вчера уснула, а Сибби все еще дома.

За головную боль спасибо эспresso на ночь и тому факту, что я не спала до половины четвертого, стараясь закончить пресловутый майский разворот и сдержать данное себе обещание – никаких фокусов, шифров и знаков.

После я попыталась поспать, но безуспешно. Слова Рида, его манеры и плечи, лицо заполнили мой разум, руки сами просились работать над проектом. После очередного порыва вдохновения («МОЖЕТбыть, ты исписалась») я не останавливалась, словно хотела расплатиться, вычеркивая пункт за пунктом в списке задач. Сначала за небольшим столом у окна в моей комнате, а затем – что для меня необычно – прямо в кровати. Лежа в темноте с телефоном в руках, писала банальные, но дружелюбные ответы комментариям к последнему видео («хохо, спасибо! – М»; «продолжай, и все получится! – М»; «попробуй увеличить тень <3 М»), планировала посты на сегодня, договаривалась о доставке планеров, которые закончила в выходные. На самом деле я строго придерживаюсь правил: стараюсь не сидеть долго перед экраном в темноте, не нарушать границ между работой и отдыхом, особенно когда работаю дома. Но

этой ночью я занималась чем угодно и где угодно – лишь бы выкинуть из головы эту встречу с Ридом.

«Я увидел в них знак», – сказал он.

Перекатываюсь на бок и отлепляю от себя телефон (Рид из моих мыслей точно никуда не делся – представляю, какую физиономию он бы при виде меня сейчас скорчил), щурясь, смотрю на экран, я права – уже 9:30, понедельник, а Сибби обычно выходит в 7:00. Резко сажусь, хватаю кофту со спинки стула и, натягивая ее через голову, открываю дверь. Ко рту прилипло облачко спутанных волос, и я пытаюсь его сдуть.

Она выходит из кухни с чашкой кофе в руке и ноутбуком под мышкой, садится на диван. Кудрявые черные волосы собраны в небрежный высокий пучок, глаза не подведены, на губах ни следа той красной помады, которой она красится почти каждый день, хотя пяти- и семилеткам, с которыми она проводит большую часть своего времени, и дела нет до ее внешности. Но Сибби нравится выразительность – всегда нравилась, – поэтому непривычно видеть ее такой с утра.

– У тебя все в порядке? – спрашиваю я, не сходя с пяточка на полу рядом с моей комнатой, который мы с Сибби в шутку называли дорогой в «спальное крыло». При въезде эта квартира показалась нам огромной по сравнению с той, где мы раньше жили.

– Да, все отлично. – Она ставит кофе, устраивается с ноутбуком в углу дивана, скрестив по-турецки ноги. Кажется, продолжения не последует, ну и пусть... в последнее время мы редко бываем наедине, когда Сибби не спешит тут же уйти в другую комнату. Неужели даже наушники не наденет?

Меня снова кольнула надежда, что не раз бывало за последние месяцы, с тех пор как между нами образовалась эта пропасть. «Вот он, – думаю я, – вот момент, чтобы все уладить. Вернуть все на свои места». Я подхожу к холодильнику справа от входной двери – квартира, конечно, больше, но четверть кухни все же приходится держать в гостинной – и открываю дверцу, чтобы достать йогурт. Все наши вещи теперь хранятся отдельно, будто посередине всех полок и шкафчиков провели линию мелом. Это совершенно бессмысленно, учитывая, что мы по-прежнему покупаемся в одном магазине одинаковыми

продуктами.

– Ты разве не опаздываешь? – невзначай роняю я.

– Взяла отгул на утро. Тильда собирает детей в школу.

– Вот это, наверное, шоу, – отвечаю я. Медленный бросок, меткий удар в знакомую тему о работодательнице Сибби, которая не ходит на работу, сидит дома по 10–12 часов в сутки и при этом остается в поразительном неведении того, что происходит с двумя ее детьми.

Когда Сибби была на больничном, Тильда забыла, что у младшей дочери непереносимость лактозы, и купила ей рожок мороженого, лишь бы та успокоилась. Последствия этого молочного средства от истерики тянулись дни и дни.

Но Сибби всегда отвечает: «Она хорошо с ними ладит», – в этой фразе слышится нотка цензуры. Непонятно, зачем она защищает женщину, которая однажды заставила ее остаться на ночь и спать в ванной у комнаты Спенсера – вдруг ему снова приснится кошмар о «Холодном сердце». Иначе говоря, меня заткнули как недостойную даже старой доброй песни об ужасной работе.

– Да, разумеется, – говорю я, потому что теперь соглашаюсь со всеми словами Сибби, если она вообще снисходит до разговора.

«Я подстраивался», – звучат в голове слова Рида. Так отчетливо, что я тут же несусь накладывать себе завтрак, спеша заглушить его голос стуком тарелок в шкафчике, звоном стаканов и совсем необязательным встряхиванием коробки с гранолой.

Мое лицо вспыхивает, сейчас я даже рада, что Сибби так меня избегает. Да, сейчас мы в одной комнате. Она, конечно, сидит в одной комнате со мной и чем-то занимается, но скоро наверняка пойдет к себе или в душ.

Но она не уходит, только говорит:

– Мэг. – И звучит это почти как в старые времена. Почти привычно; твое имя в устах лучшего друга – один из самых прекрасных звуков в мире.

Я очень рада, что не лила молоко в гранолу, когда она произнесла мое имя.

– Да?

– Мне надо с тобой поговорить.

«Наконец-то», – думаю я, укол надежды стал заметнее, а я совершенно к этому не готова. Первые пару месяцев как Сибби стала отдаляться – проводить меньше времени дома, отвечать на мои сообщения как бы между делом, отвергать предложения посмотреть вместе любимое шоу, сходить в бар или ресторан, – я очень старалась восстановить связь. Сначала ненавязчиво, шутками по поводу ее вечной занятости, один раз даже оставила записку с целью «выкупа» на двери ее комнаты:

«Смотрим финал сезона «Холостячки» сегодня вечером, или твой кашемировый свитер попадет в автоматическую сушилку!» Позже я прибегла к более серьезным мерам – разговорам, перед которыми меня бросало в пот и рвало от нервов, а Сибби только отмахивалась, говоря: «Я просто занята, Мэг! Ты слишком сильно переживаешь». Затем быстро обнимала меня и обещала найти время в ближайшие дни. От этого мне становилось легче и тяжелее одновременно: слишком похоже на очередную отмашку. Я хорошо знала Сибби и понимала, что мы не добрались до корня проблемы, но спустя месяцы опустила руки, запершись в старом, добром, болезненном страхе того, что может произойти, если я буду на нее давить.

– О чем? – Я наваливаюсь спиной на стойку, чтобы видеть угол дивана, где она сидит, а это почти через всю квартиру в ширину. Это лучше, чем подойти – я не хочу давить или навязываться.

– Ты ведь помнишь Элайджу?

Абсурдный вопрос. Он вот уже три месяца ночует у нас три раза в неделю. Конечно же, я его помню. Мне известно, какой бритвой он пользуется. Откровенно говоря, с такими тонкими стенами, как у нас, мне слишком хорошо известны все его непригодные для чужих ушей звуки.

– Конечно, – обыденно произношу я, но на душе кошки скребут. Три ночи в неделю – это уступка с моей стороны, и поскольку я всегда переживаю, что мешаю им даже своим дыханием, и знаю – из разговора с ним, который на редкость продлился дольше пяти минут, – что наша квартира нравится ему больше, чем его студия в Бед-Стай, жду логичной просьбы. Наверное, у Элайджи истек срок аренды и он хочет немного перекантоваться у нас...

– Мы съезжаемся. – Я чуть йогурт не уронила.

– Нашли квартиру в Виллэдж, недалеко от гастробара с устрицами, который тебе нравился...

Что. За. Нахрен.

Сибби еще говорит... что-то о маленькой площади, но крутой кухне, а я думаю о кое-чем посерьезнее: она съезжается с парнем, с которым встречается всего несколько месяцев, переезжает отсюда, из Бруклина, она даже осмелилась упомянуть устричный гастробар, который мне вовсе не нравится, но я была там однажды, на свидании, которое по степени своей неловкости вполне достойно статьи в «Космополитан».

– Не волнуйся, я съезжаю только в конце лета, так что у тебя куча времени.

Стою как вкопанная, не в силах что-либо сказать.

– Не думаю, что ты будешь искать соседку, – продолжает она, – но все равно решила дать тебе запас времени. Потом сможешь переехать в мою комнату, а из своей сделать рабочий кабинет. Вести свое дело отсюда, понимаешь?

«Вести свое дело»? Сибби едва ли что-то знает о моем деле, она понятия не имеет о том, сколько постоянных клиентов появилось у меня после статьи в «Таймс», и точно не знает об очень перспективном контракте, который я пытаюсь заполучить, а теперь просто должна, если хоть немного надеюсь оплачивать аренду целиком, хотя бы временно. У меня, конечно же, все в порядке с клиентами, соцсети живут за счет пары спонсоров, но мне двадцать шесть, и я художница в одном из самых дорогих городов мира.

О чем она вообще думает?

Я едва ли понимаю, о чем мы говорим, едва ли понимаю, что эта беседа для нее лишь формальность и мы даже не обсудим тот факт, что живем вместе с девятнадцати лет, что любой важный шаг – квартира, работа, смена прачечной – мы делали вместе. Что теперь мы окажемся по разные берега.

Теперь я рискую не уронить, а раздавить йогурт. Дышу глубоко через нос, пытаюсь успокоиться.

– Как же твоя работа?

Сибби отмахивается рукой:

– Я перейду в другую семью после Дня труда. Уже договорилась.

– Но ведь тебе нравятся Уэйлены. Не Тильда, но дети, – слабо возражаю я. За четыре года работы с Уэйленами Сибби всю душу вложила в этих детей.

Она опускает взгляд, елозит большим пальцем по ребру ноутбука.

– С ними все будет хорошо. Спенс скоро будет ходить в школу на полный день. Да и во мне сил быть няней осталось на год или два. Я не об этом мечтала в жизни.

– Снова будешь ходить на прослушивания?

Она поджигает губы, смотрит в окно. Сегодня солнечно, лучи света проникают сквозь толстое стекло, они подчеркивают морщинки в уголках ее глаз. Крошечные радостные отголоски того громкого хрюкающего смеха, который я не слышала много месяцев.

– Нет, Элу дали продюсерский проект на NBC, очень хороший. Может, мне вообще больше не придется работать.

– Си, – решаюсь я. Это прозвище всегда было особенным. Си – сокращение от Сибби, что, в свою очередь, сокращение от Сибил. Но для меня «Си» всегда было сокращением от «сис», «сестра», которой у меня никогда не было. Но эта сестра мне незнакома. – Я не понимаю этого.

Даже смешно, насколько я преуменьшила. Я, конечно, не думала, что мы всегда будем жить вместе, мы даже собирались разъехаться. В конце концов, когда она устроилась здесь на работу, я, именно я думала остаться на Манхэттене, где меня ждала стабильная работа, пусть и не в ламповом магазинчике Сесилии. Я была весьма востребована в неконкурентных условиях магазинов, с которыми работала. Но как мы дошли до того, что даже не обсудили эту важную перемену? Как она стала простой новостью, а не итогом многочасового обсуждения, в котором хотя бы несколько часов надо посвятить фразе моей энергичной и целеустремленной подруги о том, что ей, может, вообще больше не придется работать? Как мы дошли до такого?

«Она была главной, а я следовал». Снова голос Рида, а я думаю лишь: вот бы мне подали знак, что так будет, зашифровали послание.

– Я понимаю, это большие перемены, – произносит Сибби легко, попутно открывая ноутбук и стуча по клавишам. – Я напишу объявление, чтобы ты смогла...

– Нет-нет. Спасибо, не нужно. – Я съела капельку йогурта, но быстро ставлю его обратно в холодильник, даже не вынув ложку из баночки. Посмотрим правде в лицо – больше я к нему не притронусь. На нем образуется странная пленка, при взгляде на которую думаешь, зачем йогурт вообще существует. Но сейчас самое важное – уйти поскорее, чтобы Сибби не заметила слезы разочарования в моих глазах.

– Знаешь, у меня снова смена в магазине, так что мне пора.

– Мэг, слушай, все будет нормально! Я буду приезжать к тебе в гости, ты будешь приезжать к нам.

На секунду я замираю, чувствуя приступ злости на нее. Вот оно. Простое, обыденное «Все будет нормально». Вот чем ей кажется эта пропасть между нами. Естественным ходом дружбы. Она и не думала, что что-то изменилось.

Сибби как никто знает, что это подействует. И что я не стану дальше говорить о том, что изменилось.

– Да, конечно. – Кажется, я говорю сквозь зубы, хотя голос звучит как обычно. – Я очень рада за тебя, Си. – Подстраиваюсь и подстраиваюсь без конца.

На долю секунды наши взгляды сталкиваются, и между нами будто вырастает гора из букв, сваленных в полном беспорядке, гора вещей, в которых я нуждаюсь, но не знаю, как ей о них сказать. Как вытащить их по одной, не обрушив целую лавину. И не оказаться погребенными под ней.

Я просто моргаю, Сибби тихо благодарит меня, и я думаю, теперь мой черед начать ее избегать.

???

Вот что забавно: я тоже ненавидела Нью-Йорк.

Когда мне было тринадцать, в начале учебного года объявили, что весной наш восьмой класс собирается в поездку. Нас разделили: одна половина класса должна была отправиться в Вашингтон, другая – в Нью-Йорк. В октябре, за несколько дней до объявления списка участников, я лежала у себя на двуспальной кровати и давала клятвы богу, в существовании которого даже не была уверена, что буду на опережение выполнять все свои домашние обязанности в течение целого года и перестану просить у родителей мобильный телефон. Абсолютно все, что угодно, только бы не попасть в нью-йоркскую группу.

Я попала в нью-йоркскую группу.

Мне было страшно, вот в чем дело. Я никогда не была за пределами Огайо, даже из родного города выехала один раз в Цинциннати, к бабушке с дедушкой по папиной линии. Поездки в оба места пугали, но на фотографиях Вашингтон казался чистым городом с белыми, строгого вида зданиями и ровными, ярко-зелеными газонами. Поскольку я выросла в пригороде, ровный и ярко-зеленый газон был у меня в голове напрямую связан с природой.

Но Нью-Йорк на фотографиях – не говоря уже о сериалах, реалити и фильмах – казался огромным, хаотичным, серым, многолюдным, шумным и противоречивым. Да, там есть Центральный парк, но даже он выглядел страшно на снимках с воздуха, которые нам показывали на общественном транспорте – густые кроны деревьев скрывают неведомо что, но точно не ровный зеленый газон, а вокруг – серые лабиринты зданий.

Вернувшись домой, я рассказала об этом родителям, но никто из них не уловил дрожи в моем голосе. Они почти сразу начали спорить, как обычно заняв диаметрально противоположные позиции. Мама была в шоке от того, что настолько «небезопасный» город вообще выбрали для поездки, а отец закатывал глаза, называя меня тепличным ребенком.

Дрожь в голосе унималась спустя какое-то время после их ругани и хлопков дверью. Я успокаивала маму тем, что с нами будет много сопровождающих, а папу убеждала, что жду не дожусь поездки.

Спустя несколько месяцев, в один весенний день, взяв два полных бутылки средства от укачивания и не выпуская из рук скетчбук, я села в автобус. Я держала в уме папин совет «держаться» и мамин – хранить деньги в плоской поясной сумке под штанами, которую она мне купила.

А затем соседнее место заняла Сибил Мичелуччи.

Она была новенькой, только недавно переехала из Чикаго и, по сути, была раз в сто круче всех в нашем классе. И раз уж на то пошло – в миллион раз круче девочки с двумя бутылками средства от укачивания в рюкзаке. Она уже побывала в Нью-Йорке «тыщу раз», потому что ее отец занимался архитектурой, к тому же величайшей мечтой ее жизни было попасть на Бродвей, и родители «так меня поддерживали», что водили дочь на спектакли не реже двух раз в год. В автобусе она завела песню, и все радостно подхватили (магия!), а затем победила всех в «правду или действие», где не было ни единого неловкого вопроса (колдовство!).

Конечно, у меня были друзья до Сибби – одноклассники, с которыми я проучилась несколько лет, для кого я была вежливой, жизнерадостной, всегда что-то рисовала или раскрашивала. Но как только я подросла и пристальнее присмотрелась к ним, то начала сторониться сплетен, соперничества и

конфликтов, назревавших под маской дружбы. И отдалилась. Но в Сибби нечего было бояться, поэтому никто – даже я – ее не избегал. Она была приветливой, веселой и любопытной, в компании с ней было комфортно, я не чувствовала себя выставленной напоказ.

В поездке мы стали лучшими друзьями.

Но даже дружба с Сибби не заставила меня изменить мнение о Нью-Йорке. Я все еще боялась, везде таскала поясную сумочку, будто от нее зависела моя жизнь, и все еще пила по две столовые ложки средства от укачивания каждое утро перед выходом из отеля в битком набитый всякими экскурсиями день. Все еще думала, что стану жертвой ограбления, стоит мне оказаться на улице. Местами мне даже понравилось (оказалось, в парке все-таки было много красивой зелени).

И я подстраивалась.

Когда Сибби решила переехать сюда после выпуска, мы плакали, обнимались и обещали быть на связи, но о том, чтобы поехать с ней, даже и речи не было. Мне дали частичную стипендию в Колледж искусств и дизайна в Колумбусе, я собиралась терпеть, сидя дома с родителями, пока не накоплю на небольшую квартирку. Хотела закончить вуз и работать в графическом дизайне: сначала на папу, потом желательно и на других. В Нью-Йорк я ездила только к Сибби, но никогда не думала там жить.

А когда все разрушилось, Сибби была рядом, Сибби помогла начать заново. Моя ненависть к городу не имела значения. Она была не сильнее ненависти к случившемуся дома – тому разрыву, скандалу между мной и родителями. Единственному, где они наконец были заодно. Единственному, где я наконец заставила их рассказать все: об их отношениях, обо мне, обо всем, что они скрывали многие годы.

К слову, о лавине. Мне до сих пор иногда кажется, что я стряхиваю снег и камни.

Так что я – немая, грустная, напуганная – последовала за Сибби. Она выделила мне место на своем неудобном диванчике. И я заняла его. Сибби тогда работала в компании по кейтерингу, и им требовались работники. Я подала свою кандидатуру. Ей надо было ходить на прослушивания. Я ездила с ней на метро,

помогая нести костюмы, ждала в фойе и холлах, пока она взволнованно репетировала диалоги. Она встречалась с друзьями, с которыми познакомилась уже здесь, и я ходила с ней.

Но когда я наконец смогла – я вышла из дома одна, – именно знаки с буквами помогли мне полюбить этот город.

Почувствовать себя в нем как дома.

Возможно, поэтому после неудобоваримого разговора с Сибби мне захотелось пройти до магазина самым длинным путем, таким длинным, что это и путем не назовешь. Это просто очень большой извилистый крюк, чтобы убить время до моей смены, которая начнется через целый час, и чтобы увидеть побольше того, что мне нужно, – наполненные смыслом буквы.

Сначала их немного, по крайней мере тех, что бросаются в глаза. Знаки на моей улице поясняют, как вести себя в окружающем пространстве, напоминают о правилах жизни в городе: НЕ ПАРКОВАТЬСЯ, ВНИМАНИЕ, СТРОЙКА, УСТУПАЙТЕ ПЕШЕХОДАМ. Все, как правило, заглавными буквами, в гротеске, размер зависит от масштаба беды, с которой столкнешься, если не последуешь им. Сворачиваю на запад, к Пятой авеню, прохожу мимо кофейни, где мы вчера сидели с Ридом. В ушах продолжают звенеть его слова.

«Я не встретил здесь знаков».

Иду по Юнион-сквер, где ничто не меняется: знаки здесь не об ориентации в пространстве, а о том, куда сходить, что купить и что поесть. Вот красная вывеска гласит, что в ресторане готовят только из местных продуктов. Милая надпись, словно от руки, неровная громоздкая точка над *i*, рядом – адрес веб-сайта строчными буквами, будто его решили вставить в последний момент как дань цифровой эпохе. Угол Юнион-сквер и Шестой авеню отлично подходит для знаков: ветеринарная клиника в тонком гротеске – аккуратно и вызывает доверие. Лавка – звезда лаймового цвета вместо «А» контрастирует на черном фоне. Выглядит круто, дорого, возможно, там продается еда, о которой я и не слышала, но, попробовав которую, тоже автоматически становишься крутым.

За продуктовым кооперативом начинается отличный для знаков и букв квартал. Кремовая надпись на кофейной вывеске итальянского ресторана. Через дорогу

снова кремовый цвет, но это уже прачечная – простой жирный шрифт на темно-зеленом фоне с желтой обводкой, буквы сложены в вертикальной стопке, эргономично, так и должно быть сложено чистое белье. И мое любимое – какофония знаков старого местного магазина велосипедов – готический шрифт на адресной табличке, засечки в надписи на ярко-красной растяжке над дорогой. Кажется, она сделана от руки, как и надпись на стекле входной двери – белая с синей обводкой. «Мы здесь уже достаточно давно, – говорят знаки, – какая разница, сочетаемся мы или нет?»

Я иду дальше с поднятой головой, и кажется, будто обращаю внимание на знаки, которых раньше не замечала. Это неспроста. Я успокаиваюсь, как бывало, когда я только начала узнавать город, гуляя по нему, присматриваясь к окружению. Исследовала окрестности буква за буквой, знак за знаком. Это тронуло мое сердце, я влюбилась в город, научилась жить по-другому. Осознала, что здесь я могу быть кем угодно, а не той маменькиной девочкой из семьи из пригорода. Поздно вечером в метро, пропахшая едой и жутко уставшая, стараясь отгонять мысли о родителях и вероятности быть ограбленной, я вспоминала знаки и буквы, увиденные за день. Идеи гремели в голове громко, как рельсы под колесами поезда. Вот как я решилась на самый первый заказ – двадцать пять пригласительных открыток на вечеринку в честь восьмилетия сына моего кейтерингового менеджера.

Так я решилась выбраться из своего городка, открыть свой бизнес, благодаря которому Мэг Макворт стала «Парк-слоуповским планировщиком».

«Знаки есть, – я мысленно отвечаю Риду, все еще засевшему в моей голове. – Ты просто не знаешь, как их читать».

Не успев дойти до магазина, я вдруг понимаю. Нельзя изменить ситуацию с Сибби, с ее переездом, из-за которого мы еще больше отдалимся друг от друга, но ведь можно измениться самой, сделать что-то со своим одиночеством и замкнутостью, неспособностью сдерживать свои откровения при выполнении заказов, апатией к новому проекту, который может изменить всю мою жизнь.

Может быть, я наконец вспомню, что вообще-то все нарисованные мной буквы – знаки. Зачем так беспечно вталкивать туда какой-то шифр?

Надо возродить то ощущение, пройтись по улицам, увидеть знаки, вспомнить, почему я занялась шрифтами. Вдохновиться на проект, найти контент для соцсетей. Устроить цикл прогулок по местам с лучшими рукописными знаками. Разведать места, построить маршрут, дожидаться потепления – это поможет мне как-то выйти из творческого ступора.

На подходе к магазину тяжесть утреннего разговора отступает. Я отпираю два массивных засова на железной двери – в былые времена здесь находился ремонт ювелирных изделий. Лампы не включаю – помещение достаточно освещено почти полуденным солнцем. До открытия можно навести порядок на полках, тщательно проверить кассу, подготовить кабинет для сегодняшних встреч с каллиграфами и шрифтовиками. Лашель в полдень, Йошико в 14:00, Дэвид в 15:30. Завтра вернется Сесилия, и я больше не смогу отвлекать себя подработкой в магазине.

Зато теперь у меня есть план. На секунду мне захотелось, чтобы в этом городе у меня был близкий человек, кому можно позвонить и просто сказать: «Привет, не хочешь прогуляться со мной для вдохновения?» Один из побочных эффектов нашего с Сибби разрыва – он вскрыл пустоту моих личных связей здесь. Я уважаю своих коллег и клиентов и наслаждаюсь общением с ними, но для них я лишь радостная, озорная Мэг, которая творит с легкостью и удовольствием, всегда улыбается и приятна в общении.

Звонить любому из них сейчас – когда я в ступоре, а моя дурацкая чреватая последствиями привычка возвращается в мою жизнь – совершенно исключено.

Хотя одиночная прогулка может неплохо напомнить мне о былых временах. Это и мой город, независимо от того, живет ли со мной Сибби и какие у нас отношения. Этот город – мой дом.

Подходя к кассе, краем зрения улавливаю что-то белое на потертом деревянном полу. Случайно оброненный клочок бумаги; я подбираю его. Вчера надо было подмести, это входит в чек-лист закрытия, но меня слишком напрягал Рид, ждущий у двери как статуя, чтобы отправиться на «невероятно неловкий саммит с эспрессо и травяным чаем».

Едва взяв клочок, вспоминаю, как мы стояли друг перед другом, а между нами лежала моя тайна. Это вовсе не клочок. Это безупречный, ровный

прямоугольник. Экстраплотная бумага для карточек, скругленные углы за доплату. Черные чернила, тиснение – можно пройти пальцем и ощутить каждую букву. Симпатичный шрифт с засечками – какой сюрприз.

Очень просто. Имя, должность, адрес, электронная почта.

«Это знак».

Впервые за много месяцев в голове зажигается искра.

Невероятная, возможно, мысль – и все же мысль.

Написать Риду Сазерленду и поинтересоваться, не хочет ли он стать частью моего плана.

Глава 4

Следующую неделю меня преследует и не слово, и не буква, даже не имя.

Меня преследует один-единственный звук – короткий шуршащий звук, изданный телефоном, когда я отправила свой внезапный имейл Риду.

Я слышу его всю последнюю смену в магазине Сесилии, пока он свеж в памяти, пока я все еще в том состоянии, когда совершенно логичным кажется заглядывать в «отправленные сообщения» каждые 10–15 минут и перечитывать свое короткое, наспех составленное сообщение. Я слышу этот звук весь вечер, и на следующий день тоже, несмотря на отчаянные попытки сосредоточиться на работе или отдохнуть, составляя новую систему кодирования моих карандашей и ручек (со старой системой все на самом деле было отлично), даже снять сториз о том, как нарисовать черную букву «Р». Убеждаю себя, что это про «раскаяние», а не про имя человека, который не отвечает на мой имейл. Правда, мне пришло сообщение, будто «Р» – это «лол, как скучно», и мне даже легче от того, что Рид вряд ли ответит на мое письмо так же.

Я слышу этот звук вечером в среду, сидя на диване с ноутбуком на коленях. В браузере открыты тысячи вкладок с гугл-картами, я ищу места для своих прогулок, которые вполне могу совершить одна. Но в этот раз звук слишком реален, хотя я сижу в наушниках. Отрываю взгляд от ноутбука – Сибби вернулась с работы. Уставилась в телефон, надела свою равнодушную дежурную улыбку. Я снова слышу этот звук утром в четверг, когда она уходит на работу, а я продолжаю лежать в кровати, разбитая, потому что плохо спала.

В пятницу у меня наконец появляется шанс ненадолго сбежать из этих интермедий в духе «Сердца-обличителя»[11 - Рассказ Эдгара Алана По, в котором повествование ведется от лица безымянного рассказчика, убившего старика, с которым он жил под одной крышей.], потому что Рид наконец ответил на мое сообщение в 17:01, через минуту после окончания рабочего дня – а как же еще. Письмо короткое, четко и по делу (я в бо?льшем удивлении, чем раньше), практически цитата моего письма: «Увидимся на Променаде. Воскресенье, в четыре». Долго смотрю на имейл. «Может, здесь есть какой-то шифр?» – думаю я, хотя буквы здесь явно не складываются в «отвяжись ты», что, ну... было бы вполне объяснимо, наверное.

Снова этот звук, его слабый отголосок.

Потому что уже воскресенье, и прошла целая неделя с тех пор, как он показал мне свадебную программу. Потому что уже три часа, и, если я хочу успеть на Променад к четырем, надо скоро выходить из магазина, садиться на метро и мчаться по рельсам («Р – лол, как скучно») на Корт-стрит. Потому что через час (он же придет минута в минуту) мне надо произвести впечатление на человека, который имеет полное право меня недолюбливать. Потому что, если он согласится и дальше гулять со мной, видаться мы будем часто.

– Ты как на иголках, – произносит Лашель неподалеку от меня, и слава богу: это прекращает фантомное шуршание в моей голове. Она точила каллиграфическое перо и теперь берет увеличительное стекло, которое носит на шее, чтобы проверить край. Разочарованно вздыхает, отпуская стекло, и спрыскивает точильный камень водой.

– Да нет, что ты, – отвечаю я дежурным радостным тоном, хотя мы в глубине магазина и никто не слышит. Лашель собирается протестировать новые чернила из грецкого ореха, заказанные Сесилией. Это нужно для коллаборации с одним из музеев. Я делаю вид, что пришла проверить наш ассортимент металлических

ручек, но на самом деле Сибби с Элайджей сейчас в нашей квартире, смотрят шоу про неумелых кондитеров, а я слишком взвинчена, чтобы находиться рядом с ними и неумелыми кондитерами. Поскольку я не смогла определиться, что хуже – если Сибби заметит, как я нервничаю, и станет расспрашивать, если она заметит, но не спросит или если вообще не заметит, – то решила, что лучше пойти в магазин.

Вернуться к шуршанию, если так можно сказать.

– Я о том, что от твоего дерганья ногой стол трясется, – проясняет Лашель.

Я заливаюсь краской, пытаюсь унять правую ногу.

– Ой! Прости, пожалуйста.

Она поднимает на меня взгляд и улыбается.

– Ты что, на свидание идешь?

«Шшшшшурх», – раздается в моей голове. Этот звук издает металлическая ручка Tombow[12 - Бренд канцелярских товаров.] на бумаге, пока я занимаюсь проверкой. Вышло нечто, печально похожее на знаменитый логотип – минус миллион очков от моей креативности.

– Э...нет.

Она явно не поверила: скептически поджала губы. На малую, очень краткую долю секунды я думаю все ей рассказать. «Есть один парень, – сказала бы я. – Бывший клиент, раскрывший мою пагубную привычку». Мы плохо друг друга знаем, мы с Лашель, но в магазине всегда оказываемся на дружественной волне. Она добрая и веселая, а еще очень талантливая, и может быть...

– Отлично, ты еще не ушла, – говорит Сесилия, врываясь в помещение и руша эти чары. В руках у нее стопки лукбуков, различной бумаги, образцов надписей, которые она постоянно делает и переделывает для клиентов, которым нужны новые идеи. – Мне вчера звонили насчет тебя.

Нервы сжались в комок. А вдруг Рид передумал? Вдруг решил, что Сесилии – она в конце концов владелица магазина, предоставившего программу, – необходимо знать, что я натворила? Вдруг его согласие встретиться было отвлекающим маневром такого правдивого парня, чтобы выложить всю правду моей бывшей начальнице?

– А? – произношу я в три слога вместо одного. Сесилия бросает на меня недоверчивый взгляд, но продолжает расставлять книги по белым полкам на стене. Все они в идеальном порядке, организованы по цветам – у Сесилии лучше всего это выходит. – Да, новая клиентка. Силы нет как хочешь тебя нанять.

Мое тело с облегчением оседает. Слава богу, это не он. Сесилия оборачивается ко мне, длинный занавес ее прямых черных волос – без намека на седину и даром, что ей под пятьдесят, – перевешивается через плечо, она ставит руки на пояс.

– Силы нет как, – повторяет она с гордой улыбкой.

– Прости. Не понимаю, почему люди не пользуются формой для писем на моем сайте. – Уже произнося это, понимаю, что извиняюсь на самом деле совершенно за другое, ведь Сесилия ни разу не пожаловалась на то, что ей продолжают поступать звонки от моих клиентов. Я извиняюсь за тот комок нервов, за его причину и возможные для нее последствия.

Сесилия поднимает руку и отмахивается:

– Ничего страшного. Она сказала, что в курсе формы на сайте. – Она замолкает и выглядывает в окно витрины, чтобы проверить, нет ли в магазине чужих ушей. – Мне кажется, это знаменитость.

– Не берись за это, – перебивает Лашель, снова щурясь через увеличительное стекло. – Три месяца назад я занималась приглашительными на вечеринку одной отчаянной домохозяйки, и это был кошмар. Переделывала проект три раза, а в итоге никто никому даже напитком в лицо не плеснул. Только время потратила.

– Это не отчаянная домохозяйка, – отвечает Сесилия, заглядывая через плечо Лашель и одобрительно кивая проделанной работе. – Уж я-то знаю.

– Она не представилась? – И зачем я только спрашиваю? Мне нельзя брать новые заказы, пока не сдам проект.

Она смотрит на меня и мотает головой:

– Оставила имя и номер ассистента. Сказала звонить в любое время.

– Уууууу, ассистента, – протягивает Лашель. – Тогда точно ей позвони.

– Кажется, она довольно милая, – говорит Сесилия. – Не думаю, что она бы плескалась напитками в лицо. И заплатит много. Если это и правда знаменитость, ты можешь получить сделку века.

– Да, я... – я замолкаю, делая вид, что собираю вещи, пока собираюсь с духом. Я еще не говорила Сесилии, над чем работаю, особенно потому, что, учитывая мой творческий ступор, это может ни к чему не привести. – Я сейчас очень загружена. – Заканчиваю я так же неубедительно, как отрицала свидание. Лашель снова поджимает губы.

– Точно?

Я надеваю сумку через плечо, расправляю перед платья. Сегодня без принта – вдруг Рид их не выносит. Сам он наверняка снова появится в форме школьной команды дебатов. Платье-футболка изумрудного оттенка – Сибби всегда говорит, что он подчеркивает мои светло-каштановые волосы – джинсовка сверху. Надо было подумать, не будут ли его раздражать эмалированные значки и пуговицы на передних карманах. На одном из значков надпись: «Нью-Йорк для чудачков», который явно не очарует Рида, учитывая, что нью-йоркское чудачество занимает первое место в его списке причин ненавидеть этот город.

Я поднимаю взгляд, Сесилия и Лашель уставились на меня с недоумением, возможно, из-за моей непривычной молчаливости. Они хорошие друзья: где-то пять лет назад Лашель сходила на мастер-класс Сесилии по каллиграфии и так быстро всему научилась, что теперь они часто вместе работают. И в целом общаются. Обе замужем с детьми, хотя подростки Сесилии старше. Вместе у них возникает эта магия каллиграфии – мягкость, уверенность и стабильность, благодаря которым они создают нечто прекрасное, касаясь пером бумаги. Ни прерывистых линий, ни пауз, чтобы стереть и начать сначала.

Снова чувствую укол одиночества, тоски. Я зашла сюда за компанией, хотела сбежать от этого шуршания. Но теперь даже простой светский разговор кажется риском: нельзя говорить о Риде, не рассказав, как мы познакомились, – а это совершенно недопустимо. Я пока не могу говорить о проекте, и мне стыдно за свой творческий ступор.

– Абсолютно точно, – задорно отвечаю я.

Сесилия пожимает плечами и отодвигает стул рядом с Лашель.

– Не буду пока отказывать, на всякий случай.

– Она передумает, – говорит Лашель, смотря на меня с улыбкой, и подмигивает. – Сейчас у нее одно свидание на уме.

Сесилия замирает в полуприседе, глаза ее загораются:

– Ух ты, свидание? Как мило!

Женатые люди всегда говорят «как мило», узнав о чьем-то свидании. Как будто после 86 % свиданий в этом городе тебе не хочется поклясться самой себе на крови, что ты больше ни с одним мужчиной не свяжешься.

– Это не свидание. – Я вложила в эту фразу столько убедительности, сколько смогла, с тех пор как вошла в магазин. Сидя, Сесилия тычет Лашель в бок, и обе смотрят на меня, улыбаясь. Добродушно закатываю глаза и смотрю время на телефоне. Я еще успеваю, но нервы за время в магазине не успокоились.

– Возьму этот Tombow, запишешь на мой счет? – спрашиваю Сесилию, бросая ручку в сумку.

– Не вопрос, – отвечает она, а сама уже тянется за новым листом бумаги, на которой писала Лашель.

– Увидимся, – говорю я, выходя из-за стола.

– Мэг. – Лашель останавливает меня почти в центре магазина. – Кто-то в курсе, куда ты идешь?

Я застываю на месте. Хотелось бы ответить ей без раздумий. Но от этого маленького жеста заботы – этого шифра дружбы, которая всегда предполагает защиту, – у меня слезы встают в глазах. Я быстро глотаю их и с широкой улыбкой оборачиваюсь.

– Да, разумеется, – вру я. Но из чувства благодарности добавляю: – Променада. Общественное место, все такое.

– Ну, веселись! – кричит она. Они с Сесилией уже склонили головы над чернилами. Не знаю, удастся ли мне в жизни еще раз испытать легкость и тепло подобной дружбы.

Открывая дверь, слышу звонкий смех Сесилии, и на меня накатывает то же одиночество, что и все эти месяцы.

«Шурх», – закрывается за мной дверь.

???

И все же я на шесть минут раньше времени.

На улице Монтаг много людей: погода теплая, светит солнце, и все ходят с изумленным видом, говорящим: «Ничего себе, дождь наконец прекратился». Я смотрю не на знаки – будто боюсь спугнуть их до встречи с Ридом, – а на людей. Прохожу мимо кафе Hagen-Dazs, мужчина внутри смотрит на свой шоколадный коктейль, как жених на вошедшую в церковь невесту. Девочка радостно размахивает их сцепленными с мамой руками и лижет мороженое в рожке – треть его уже у нее на щеках и на футболке. Пара пожилых мужчин стоит у входа, прищуриваясь, чтобы прочитать меню на витрине. Мужчина пониже восклицает:

– У них есть клаб-сэндвич. Ты любишь клабсэндвичи!

Как будто клуб-сэндвич – это деликатес, а не то, что можно найти в любом районе города.

Выйдя на Пиррпон-плейс, вижу голубую гладь Ист-ривер. Вода светится на солнце так, как я не видела долгие месяцы, а лицо обдувает ветерок, успокаивающий, но недостаточно сильный, чтобы волосы стали липнуть к помаде. Просто идеальный ветерок. На велосипедной парковке женщина жонглирует мотками пряжи и напевает песенку про котиков-космонавтов (Нью-Йорк для чудаков, а как же). Обычно я бы притворно уставилась в телефон, но сейчас наблюдение за людьми меня очаровало, и я совершенно не боюсь, что один из этих мотков прилетит мне в голову. На краткий миг я понимаю, что чувствовал тот мужчина с коктейлем и старики с клуб-сэндвичем, и наконец впервые с того самого «шурх», вспоминаю, почему решила на эту прогулку. Даже если Рид откажется, мне нравится быть здесь, в окружении этих людей.

Надо просто пережить встречу, на которую я, повторюсь, пришла на целых шесть минут раньше. Это отличная возможность настроиться на...

Ну, конечно! Он уже здесь.

В двадцати метрах от меня, на Променаде, предплечья на перилах, руки сложены в замок, он смотрит на город на том берегу. Снова никакого бизнес-кэжуал, Рид одет в том же стиле, что и неделю назад: кеды, джинсы, куртка. Может, это его воскресный наряд. Так и обозначен в его шкафу. Профиль его лица парадоксально красив даже издали.

Вытаскиваю пару букв из преследовавшего меня слова. Его профиль выглядит как слово «шок».

Он выпрямляется, будто почувствовав мое приближение. Рид поворачивается, и мне остается сделать несколько неловких шагов, когда оба только молчат и ждут. Чувствую себя так, будто иду по доске к этим голубым глазам – резким и застывшим на мне. Интересно, он скажет: «Добрый день»?

– Привет, – неожиданно произносит он. Я силюсь не поднять от удивления брови.

– Спасибо, что пришел. – Я только что заметила женщину на ближайшей скамейке. В одной руке у нее термокружка, в другой – телефон, сама она

застыла с приоткрытым ртом и взгляд от Рида оторвать не может. Я бы, наверное, так же выглядела на ее месте, увидь я Рида впервые. Кажется, он не замечает, и я спрашиваю:

– Прогуляемся? – К моему облегчению, он согласно кивает и делает жест рукой, пропуская меня вперед. Может быть, в этот момент женщина за нами ахнула.

– Ну, – говорю я, стараясь подстроиться под обыденность его «привет». – Как прошли выходные?

Он глядит на меня, моргает. Он явно не собирается удостоить меня ответом. С таким же успехом можно было спросить его, на какие ЗППП[13 - Заболевания, передающиеся половым путем.] он проверяется.

– Мои неплохо, – продолжаю я, будто он мне ответил. – Конечно, вчера весь день был дождь, так что я почти не выходила на улицу. Сегодня погода очень даже приятная.

Будь Сибби здесь, она бы напомнила, что так рассуждать о погоде – все равно что сделать тату «Средний Запад one love» на лице. О чем бы еще сказать – о гаражной распродаже, про которую я недавно слышала? Или сказать о том, что свою сегодняшнюю сумку я купила за полцены плюс пятипроцентная скидка за заедающую молнию? А Риду будет интересно узнать, что я люблю больше – майонез или соус тартар?

– Ты сказала, что у тебя хорошая мысль, – говорит Рид, вряд ли предполагая обсуждение майонеза с тартаром.

Я прокашливаюсь в решительности закончить с этим светским разговором ради нас обоих.

– Точно. Точно, да. Я подумала о том, что ты сказал на прошлой неделе. Что не встретил здесь знаков.

Я скольжу по нему взглядом. Его руки в карманах куртки. Голова наклонена вниз. Он слушает, но держится отстраненно.

– Знаки... это как бы мое. Учитывая специфику моей работы, я интересуюсь знаками – что они говорят и как.

Рид останавливается. На полшага впереди, я тоже замираю и оборачиваюсь на него. Так серьезен, что хоть сейчас на монету чекань.

– Я имел в виду нечто менее буквальное. – Мягкие нотки в голосе звучат снисходительно. Представляю, как он позже вечером будет писать: «Дорогой дневник. Сегодня я встречался с женщиной, которая носит слишком много пуговиц и не понимает метафор».

– Нет, то есть... конечно, я это понимаю. Но когда я переехала в Нью-Йорк, самые обыкновенные дорожные знаки и вывески, они, эм... – Я посмотрела на неоднородные верхушки зданий Манхэттена, этот хаос из камня и стекла. – Они помогли мне навести порядок в мыслях.

Долгая пауза, Рид молча смотрит на меня. Наверное, в его представлении порядок совсем другой, с этой его одеждой по дням недели и личным дневником, которые я ему приписала. Но почему-то – возможно, я именно поэтому ощутила странную связь между нами неделю и даже год назад – мне кажется, он меня понимает. И хочет, чтобы я договорила.

Мы снова идем.

– У меня есть один проект. Дедлайн в июле, до которого еще далеко, а с другой стороны совсем нет, потому что у меня... – Я замолкаю, сглатываю тяжелый комок в горле. Ступор не дает мне даже это слово вслух произнести – просто какая-то антиирония. – Потому что у меня не получается сосредоточиться в последнее время, – говорю я вместо этого.

– Сложно себе представить.

– Почему это?

Рид смотрит на пирс внизу – ребята играют в мяч, и до нас доносятся их крики радости или протеста.

– Потому что ты... то есть твои проекты. Очень оригинальные.

Я недовольно поджимаю губы. Он произнес последнее слово так – как бы заключил его в кавычки – будто для меня это хобби, а не серьезная работа. Говорю себе: не обращай внимания, но рот уже опередил мысли, что редко со мной бывает:

– По-твоему, творческим людям не нужна концентрация?

– Я этого не говорил.

– Мое дело – это работа, и...

– Я имел в виду, что это кажется очень интересным. Простор для творчества.

– Оу. – Подумываю, не рассказать ли ему обо всех этих фразах а-ля «Цвети на своей клумбе», в которых все повально хотят одинаковое начертание – тонкие, взлетающие вверх линии и жирные, неравномерные мазки вниз. Но, наверное, слишком мелко на такое жаловаться. По крайней мере, я могла поиграть с цветом.

– Разве не так? – спрашивает он, и снова, почти не зная Рида, я тем не менее чувствую какую-то связь с ним. Он задает вопрос, только если намерен услышать ответ. В мире бездумного, дежурного «Как дела?», на что единственным подходящим ответом кажется «Хорошо», подход Рида очень личный. И точный.

Я пожимаю плечами.

– Думаю, эта работа мало чем отличается от любой другой. Выгораешь, разочаровываешься. Тогда легко допустить ошибку.

Он кашлянул. Потому что я сказала «ошибка». Хм, интересно, если прыгнуть отсюда в реку, я умру или только покалечусь? На секунду ноги дрогнули, словно мое тело и правда решило кинуться в воду. Не такая уж река и грязная, как все вокруг говорят.

– Все в порядке, это распространенное слово, – говорит Рид.

– Уверена, твоя профессия очень интересная! – брякаю я. – Простор мысли или вроде того.

Я напрягаюсь, чтобы вспомнить несколько ключевых слов из совершенно не поддающейся пониманию статьи в Википедии о биржевом анализе, которую читала на прошлой неделе, чтобы подготовиться к этой прогулке. Кажется, я закрыла вкладку на слове «стохастический», которое напомнило мне о Риде, конечно, если это комбинация «стойка» с «саркастическим». Но скорее всего, это слово связано с вычислениями.

– А что за проект? – спрашивает Рид, намеренно перерубая тему. Он совершенно не хочет обсуждать свою работу со мной, за что я ему в самом деле благодарна. Слишком уж это связано с математикой и бывшей невестой.

Я останавливаюсь и указываю на пустую скамейку, что редкость в этой людной части Променада. Присев, я ставлю сумку на колени и достаю свой тонкий блокнот в мягкой обложке для записи идей. Рид садится рядом, и я сконфуженно морщусь, когда в моей сумке шуршит какой-то мусор: полупустая упаковка претцелей[14 - Крендельки.], около десятка скомканных чеков из супермаркета. В попытке отвлечь внимание, я сразу начинаю болтать, и может быть, так даже лучше. Так я смогу не сильно переживать о том, что рассказала это Риду раньше остальных.

– Есть такая компания «Счастье сбывается». Знаю, что так говорят про мечты, но здесь именно про счастье.

– Не понимаю, к чему ты.

Если честно, я тоже. Прозвучало как-то вульгарно, и мне стыдно, но не хочется показывать это Риду, поэтому я продолжаю.

– Это крупный поставщик крафтовой канцелярии для большинства розничных торговцев. Они выпускают материалы для планеров а-ля «сделай сам». Блоки, аксессуары, странички с календарями.

– Вроде тех, которые ты делаешь.

– Не совсем, – отвечаю я, вспоминая большую неоновую вывеску магазина на Атлантик-авеню, куда зашла после первого звонка с арт-директором, женщиной по имени Ивонна, с резким тоном и быстрой речью.

У стеллажей «Счастье сбывается» была толпа народу, некоторые полки уже опустели. Увидев типичный ассортимент, я заколебалась. Январский разворот в холодных голубых тонах. Февральский был весь розовый и красный. Март зеленый. Апрель разрисован каплями дождя. А май? Там был настоящий майский шест с лентами. По сравнению с ним надписи вроде «Цвети на своей клумбе» смотрятся нежнее некуда.

И в то же время я предвкушала, как много всего могла этого сотворить. Этот проект мог открыть передо мной такие возможности, о каких большинство на моем месте только мечтают. Изменить жизнь, сейчас это было бы очень кстати, ведь мне придется платить за квартиру самой, по крайней мере несколько месяцев.

– В смысле, да, – поправляюсь я и поднимаю на него голову. – Само собой, они делают товары масс-маркета. Они не... – Мой голос стихает. Не содержит намеки на состояние чьих-то отношений – додумываю я. Еще один плюс их товара. Самой собой, тебя не тянет зашифровывать какие-то послания, если работа предназначена для большого количества потребителей.

– Уникальны, – завершает мою фразу Рид. Думаю, он это из доброты, лучшее завершение из всех возможных.

Краснея, нервно поглаживаю сумку, пока внутри не раздастся шуршание чеков с пакетом.

– Итак, – бодро говорю я, чтобы он не услышал шуршание. – Они наняли меня и несколько других художников для создания трех оформлений планера на год. Если моя работа выиграет, они выпустят целую линейку товаров под моим именем.

– Значит, – произносит он тихо, почти шепотом, – карьерные перспективы.

– Ты сказал так, будто это плохо.

Рид поворачивает голову в сторону реки, смотрит на противоположный берег.

– Это не плохо. – Он указывает рукой на небоскребы Манхэттена. – Видимо.

Он произнес последнее слово так, чтобы стало ясно: это все-таки плохо. Словно хуже карьерных перспектив ничего не придумаешь. А эти небоскребы – обитель Саурана[15 - Главный антагонист вселенной Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец».]

Рид смотрит на меня, голубые глаза выцвели на ярком солнце, выражение лица суровое, как неделю назад, в магазине.

– Что бы ты ни думала о моей профессии, я не занимаюсь бизнес-консультированием. Моя работа заключается в другом, – говорит он.

– Я понятия не имею, в чем заключается твоя работа.

– Я же говорил, я бирж...

Теперь я прерываю его жестом:

– Я погуглила. Все равно ничего не поняла. Кроме того, что это связано с математикой. Ты, должно быть, очень умный.

Уголки его губ приподнимаются – с правой стороны чуть больше, и на щеке у него появляется очаровательная черточка, плавный изгиб, дугой идущий от подбородка вверх.

Он пропадает спустя лишь пару секунд, но успевает запечатлеться у меня в памяти. Позже я попробую его нарисовать. Шу-у-рх.

– Мне не нужна консультация по бизнесу, – говорю я, смотря куда-то в сторону. – Мы здесь не за этим.

– А зачем тогда?

Собираясь с духом, делаю глубокий вдох. Я кратко рассказываю Риду о знаках, как они меня вдохновили, насколько разнообразны – по крайней мере, в этом городе – их буквы. Показываю страничку своего блокнота, где набросала список самых известных рукописных вывесок города. Хочу показать на телефоне карту, где отметила красными пинами локации, которые собиралась посетить. Не успеваю я разблокировать экран, как он говорит:

– Не понимаю, почему ты решила пригласить меня. Я ничего не смыслю в буквах.

– Потому что ты занимаешься числами. – Утверждение, не вопрос, на которое он отвечает не более чем привычным едва заметным кивком головы. Этим жестом он одновременно соглашается и разрешает мне продолжить, объяснить мою точку зрения.

Но я не знаю, смогу ли. Получится ли у меня говорить так же прямо и честно, как у него.

Я увидела твою визитку и подумала, что это знак. – Я небрежно пожимаю плечами, будто для меня вся эта ситуация – обычное дело.

– В прошлый раз ты сказал, что ненавидишь Нью-Йорк, и мне показалось, что я могу как...

Он напрягся. Это неспроста, учитывая, что он всегда выглядит довольно напряженно.

– Ты делаешь это из жалости, – отрывисто произносит он.

– Что? Нет! – На секунду в голове мелькает мысль открыть сумку и показать ему претцели с чеками из супермаркета. Я что, выгляжу, будто испытываю к тебе жалость – хочется мне спросить.

– Потому что я не... переживаю. Из-за разрыва с Эйвери. – О, этот штришок прояснения. Боже.

– Я просто хотела с кем-нибудь погулять, – бурчу я, осознавая, что это и должна была сказать с самого начала. Это не вся правда, но точно ее часть. Я хочу с кем-то гулять, а Рид – единственный в этом городе, в этом мире, знающий мой секрет, – как ни странно, может быть подходящим человеком.

Он недолго молчит. Затем встает, кладет руки в карманы и поворачивается ко мне. Будь на его месте кто-то другой, я бы разозлилась, потому что не позволю никому говорить со мной буквально сверху вниз. Но по задумчивому лицу и расслабленной позе Рида я понимаю, что ему просто надо было подвигаться, хоть немного.

– Мне недавно сказали, что надо как-то отвлечься.

Знаю, ему бы это не понравилось, но теперь мне точно его жалко. Это ощущение усиливается, когда Рид вынимает руку из кармана и натягивает рукава куртки. Этот мимолетный неосознанный жест выдает мне целую гамму чувств. Ему неловко. Он совершенно потерян.

– Вот видишь? – у меня очень... причудливый голос. – Какое замечательное совпадение. Даже если тебе не понравится, ты будешь занят мыслями о том, как тебе это не нравится. – Я улыбаюсь, на его щеке мелькает эта его черточка.

Снова тихо, Рид разглядывает серый асфальт, а я жду с блокнотом в руках.

– Значит, счастье вместо мечты? – наконец говорит он.

Я недоуменно моргаю, но через мгновение понимаю, о чем он. Точно – «Счастье сбывается».

– Да.

– Потому что ты счастлив, когда осуществляются твои планы. – Он произносит это так равнодушно. Стохастически. Что, если бы он сидел на защите стратегии бренда, на котором это предложили? Все бы в пепел превратились от силы его недовольства.

– Думаю, смысл именно такой.

– Очень глупо.

Я киваю, косясь на свой блокнот. Все в порядке, я и одна прогуляюсь. Так даже лучше.

Он кряхтит, ждет, когда я на него посмотрю. На секунду его взгляд светлеет. Затем Рид говорит:

– Очень глупо, но мы это сделаем.

Глава 5

Пишу Риду, что встретимся у скульптуры портного – большой бронзовой статуи пожилого мужчины в ермолке, который согнулся над ручной швейной машинкой. Трогательная дань работникам, своим трудом достигшим былой славы швейной индустрии Нью-Йорка. Мне нравится ждать именно у этой скульптуры, ведь я никогда особо не любила центр города. Даже за несколько кварталов слышен гул Таймс-сквера, вызывающий глазную мигрень: все эти гудки, вспышки огней, туристы, которые по непонятным причинам даже наслаждаются всем этим безумием. У скульптуры довольно шумно, тем более днем в среду, но мне спокойно рядом с мирным неподвижным портным. Поскольку я приехала на целых полчаса раньше – будто пытаюсь доказать, что у меня сильнее в одном месте чешется, – у меня достаточно времени успокоиться.

Большую часть этого времени я занималась двумя вещами: первая – я сравнивала список выбранных мной адресов с отметками на карте в телефоне, чтобы сверить маршрут. Если я все правильно расписала, что спорно, ведь никогда не знаешь, что случилось с рукописной вывеской: может, ее убрали навсегда, а может, ее просто не видно из-за нового щита или баннера. Сегодня мы с Ридом должны увидеть по крайней мере 12 знаков. Нравится мне район или нет. Швейный квартал очень богат на знаки, есть даже такие – как вывеска магазина одежды из 60-х, – на которых встречаются рисунки. Глядя на список, думаю, что я молодец и хорошо подготовилась. Я готова пройти этот маршрут и по-другому встретить Рида, ведь теперь у нас общая цель.

Второе, чем я занималась, – это думала о том, что, как и подобает простой человеческой женщине, я проснулась с двумя новыми прыщиками на лбу именно в тот день, когда у меня важное дело и мужчина, для которого я хочу выглядеть привлекательно.

Вот эта мысль, очевидно, не самая продуктивная, хотя если вам кажется, что трогать их каждые 45 секунд – это продуктивно...

Этим я и занимаюсь, когда на месте появляется Рид.

Сегодня его наряд диаметрально противоположен кэжуалу, будто Рид взял и порвал любые с ним связи. Он в костюме. Темно-синем, почти черном. Сидящем по фигуре. Белая рубашка, серый галстук. Серая сумка-мессенджер через плечо.

Уолл-стрит Рид.

На самом деле здесь нечему удивляться. Рид назначил дату и время, отталкиваясь от встречи где-то в этом районе. Совершенно ясно, что она связана с его крутой работой. И все же я поражена его видом, и Рид будто бы знает об этом. Приветственно кивнув, он останавливается и несколько мгновений просто стоит перед скульптурой застывшего с серьезным видом портного.

Я сжала листок со списком с такой силой, что он почти сложился пополам.

– Тонкая работа, правда? – наконец говорю я, вставая рядом с ним. – Ты первый раз его видишь?

– Нет. – Он смотрит на меня, затем поворачивает голову в сторону Седьмой авеню. – Я был в свадебном салоне здесь неподалеку.

Он сказал это без какого-либо злого умысла, но вокруг нас повисла неловкость. Возможно, все на километр вокруг сморщились, уловив ее в воздухе.

– Точно, – говорю я, молясь, чтобы мое лицо не выглядело сейчас как смайлик с пугающе лживой улыбкой. – В этом районе много свадебных салонов и магазины одежды. – Я вспоминаю, насколько странно наше соглашение да и то, что мы вообще общаемся. Часть меня тут же хочет сбежать и забыть обо всем этом.

Вдруг меня толкнул проходящий мимо человек из толпы туристов, уставившихся в свои телефоны, и я по инерции врезалась в Рида, а он придержал меня за локоть и бросил в сторону прохожего:

– Придурок, смотри на дорогу! – Уверена, мужчина его не услышал, но неожиданность самой фразы вырывает меня из угнетающих размышлений.

– Вау... – говорю я, вытаращив глаза. – Ты назвал того дядьку придурком!

Румянец, которого я так ждала тем вечером в магазине, теперь слабо, но все же проступил на внешнем своде скул Рида.

– В смысле, я не ожидала услышать от тебя слово «придурок». – Он недоверчиво хмурит бровь, и я поясняю: – Я думала, твои ругательства будут... не знаю. «Подлец», «недомерок». Старомодные такие.

– Почему это? – Его тон все еще равнодушный, но в глазах мелькает интерес, а рука все еще держит меня за локоть, который, по-видимому, стал моей новой эрогенной зоной.

Я пожимаю плечами, убирая его руку. Наверное, не стоит упоминать «Антологию драмы».

– Ты прозвучал как настоящий ньюйоркец.

Мышцы его челюсти дрогнули.

– Ты говорила, здесь много чего можно посмотреть.

– Да, точно! – слишком радостно восклицаю я и даю ему листок, уже без лишней радости. Нахмутив брови, он рассматривает его.

– Надо поменять первые три с последними двумя. Так рациональнее, – говорит он.

Я заглядываю в листок через плечо Рида, затем смотрю на карту в телефоне. Точно. Он прав.

– Это было грубо, – вдруг произносит он, я смотрю на него. У него усталые глаза, их яркая пронзительная голубизна побледнела. – То слово.

Я улыбаюсь, потому что знаю, о чем он: это слово я нарисовала в воображении прямым шрифтом без засечек, как только Рид его произнес.

«Придурок». Но делаю вид, что не поняла.

– Значит, рациональнее? – переспрашиваю я, драматично округлив глаза.

Кажется, он рад тому, что я решила обойти тему, на его лице появляется и тут же исчезает черточка. Напряжение между нами от этого не спадает, но становится гораздо более выносимым. В голове сразу всплывают воспоминания из школы, когда учитель говорит классу разделиться на пары, то есть те самые минуты, когда чувствуешь, что рядом за партой находится совершенно незнакомый человек, хотя вы целый год просидели всего в нескольких рядах друг от друга.

Начало прогулки неплохое, честно. Первые три знака – действительно рационально! – все еще на месте. Самый первый из них простоват – не более чем разноразмерные базовые глифы[16 - Глиф – элемент письма, единица графики.], но второй и третий то, что надо, – огромные, рукописные баннеры на торцах кирпичных зданий и рекламные вывески одна на другой, все в разном стиле, с разными шрифтами. В обоих случаях мы топчемся на краю тротуара, чтобы не преграждать путь, и я делаю снимки, стараясь не мешать прохожим. Так мы находим свой общий ритм, в котором проходим еще несколько точек по списку. Рид даже пару раз взял у меня телефон, чтобы сделать фото под лучшим углом; с его ростом и длинными руками это намного легче. Иногда, чтобы подобраться ближе, он переходит улицу или вытягивается во весь рост за припаркованной машиной. Когда мы разговариваем, я спокойна и сосредоточенна – он спрашивает, как называются разные стили леттеринга[17 - Леттеринг считается формой искусства, где каждая буква во фразе выступает в качестве иллюстрации и создается с вниманием к деталям. На основе леттеринга обычно не создают шрифты, поскольку буквы рисуют с учетом конкретного слова.] и просит объяснить какой-то термин, обозначающий часть буквы. В какой-то момент я даже в шутку советую ему посмотреть мои короткие видеоуроки для начинающих, даю свою визитку и предлагаю заглянуть на мой сайт. Рид смотрит на карточку, разглядывая ее аккуратный дизайн, и внутри у меня что-то

трепещет, сама не знаю почему. Как будто я подглядываю за очень интимной сценой, прямо как та, когда я нашла его визитку в магазине.

Он бережно кладет ее во внутренний карман пиджака, хлопнув по нему один раз с такой серьезностью, будто и вправду собирается посмотреть мои видео, и я заливаюсь румянцем в польщении. Однако примерно на шестом по счету знаке события начинают принимать неприятный оборот. Две вывески подряд не находятся – либо я ошиблась с адресом, либо их закрыли чем-то сверху. А следующий сильно выцвел и стал нечитаем. После того мой знак ателье, на который я так надеялась, – не знаю, в чем дело, но ничто из окружающего ни капли не похоже на фотографию из интернета. Снова смотрю на карту, приближаю место в режиме съемки со спутника; прошу Рида посмотреть в другом приложении с картами. Я в панике и растерянности, так что Рид предлагает пойти дальше.

Ко всему прочему тротуары постепенно заполняются народом. Стоять в сторонке, никому не мешая, становится уже не так просто. И так зажатый Рид становится даже более зажатым; он взвинченный и напряженный – «Я ненавижу Нью-Йорк», – и я тоже начинаю нервничать. Замечаю знаки не из списка, думаю, надо ли останавливаться, а затем с трудом могу сосредоточиться на нашем маршруте. Пока мы гуляли, небо еще больше посерело, оно стало, как серые дома, нависающие со всех сторон, и разглядеть знаки стало значительно труднее. На углу 6-й и 36-й авеню есть вывеска, на которую я наткнулась в чьем-то блоге, но, подойдя ближе, я ужаснулась: там, где ее видно, она вся выцвела, а строительные леса вокруг мешают смотреть. Шум невыносимый: грохот, скрежет металла – унизительно. Нам с Ридом приходится кричать друг другу, обсуждая, под каким углом вывеску видно лучше. Один раз мы в полнейшем непонимании развернулись и направились в противоположные друг от друга стороны. Мне пришлось потянуть его за рукав, чтобы провести за собой по огражденному тоннелем тротуару, поближе к вывеске. Мы идем, и шум усиливается, даже кости вибрируют, а воздух внутри нагрелся от проходящих мимо людей. Мы выходим, я оборачиваюсь на Рида и вижу, как сильно стиснуты его челюсти. Наверное, он прошел так весь тоннель.

– Просто попробуем ее рассмотреть, – говорю я, открывая камеру на телефоне.

– Ее не рассмотреть. Максимум две буквы.

Он прав, но я не хочу сдаваться. Начинаю осматриваться, будто в надежде найти новую дорогу – какую-нибудь высоченную лестницу, по которой можно забраться к этой вывеске. Важно, что у нее темно-красный фон; буква W как бы отбрасывает тень, чего я не видела ни на одной другой вывеске. Я уверена: это какой-то шифр.

– А что, если...

И тут пошел дождь.

Не тот, что начинается постепенно. Этот дождь обрушился большими каплями и промочил нас до нитки. Разгоняющий толпы дождь: все, кроме нас с Ридом, рванулись искать себе укрытие, большинство попрятались в тоннеле над тротуаром, из которого Рид с таким облегчением выбрался. Плюсом моей огромной мешковатой сумки является то, что я могу надеть ее себе на голову. Но тут Рид достает из своего достаточно вместительного портфеля зонт, и я чувствую себя полной идиоткой. Пусть он и знает слово «придурок», сам им точно не является, потому что раскрывает зонт надо мной вместо себя и указывает на голубой козырек, под которым невысокая женщина обеспокоенно пытается втащить в магазин стенд со свертками ткани. Мы бежим, шлепая по мокрому бетону, одежда пачкается брызгами проезжающих машин, Рид на полшага позади меня. Мне кажется, я чувствую, как его рука висит в воздухе над моей спиной.

Не касается. Лишь висит над ней.

Наконец добравшись до укрытия, мы можем оценить урон. Колготки на мне промокли до колена, платье прилипло к бедрам. Его костюм потемнел от воды, волосы стали медно-каштановыми. Я смотрю на него с улыбкой солидарности. Смешно, да? Смешно, как все обернулось?

– У тебя что, нет зонта? – спрашивает он, и это... не смешно.

Он сердится.

Я смотрю на него долгую секунду, осуждая этот его тон и высокомерный взгляд на меня. Вспоминаю о своей шуршащей и полной хлама сумке.

В поезде я захотела достать баночку драже, а нашла носок, низкий такой, какие под кроссовками носят. Ужасно, конечно, что у меня с собой нет зонта, но то, что он указывает мне на это, не менее ужасно.

– Дождь не предвиделся, – отвечаю я.

Рид что-то проворчал у меня за спиной.

– Что ты говоришь?

– Я говорю, сорок процентов.

Продолжаю смотреть. На завитке волос у его виска повисла капелька воды.

– Сорок процентов вероятности дождя, – поясняет он. – По прогнозу в приложении на телефоне.

– Но сорок – это не сто, правильно?

Капелька дождя падает на борт его пиджака. Мой ответ совершенно сбивает его с толку, Рид снова стискивает челюсти. Мы синхронно оборачиваемся и смотрим на дорогу, дождь льет с невероятной силой. Между нами прослойка воздуха, будто бы искрящаяся странной энергией.

– Твой новый проект, – наконец произносит он, стараясь перекричать звонки и стук дождя о навес над нами. – Ты откажешься от своих клиентов ради него?

Порыв ветра обрушивает дождь на нас, и я отступаю, наблюдая, как асфальт намокает вокруг носочков моих ног. Я злюсь и не хочу ни с кем говорить: прогулка пошла не по плану, затем еще эта ситуация с зонтом, и я все еще чувствую, где он меня коснулся.

Но в ответ лишь пожимаю плечами, играя наивность, хотя настроение у меня совершенно не игривое.

– Наверное, нет. Мне нравится создавать что-то своими руками. Но я-то всего одна. С этим проектом можно перестать волноваться о завтрашнем дне, он

открывает много возможностей. Я точно смогу брать меньше клиентов.

– Ты сейчас занимаешься только фрилансом?

Я перевожу на него взгляд, он смотрит прямо перед собой, на дорогу.

– Д-да-а, – протягиваю я, подозрительно. Не знаю, долго ли мне еще удастся изображать перед ним наивность.

– Что, если месяц не удался?

Сжимаю губы. С одной стороны, не хочется быть надутой идиоткой, а с другой, Рид и сам надутый идиот, раз задал такой вопрос.

– Мне легко найти заказы, я востребована.

Он кивает:

– Но если бы выпали трудные времена, – говорит Рид. – У тебя оформленное ООО или что-то вроде? Как ты выплачиваешь себе зарплату?

Боже мой. Если есть в этом мире что-то хуже менсплейнинга, это оно. Он не просто объясняет что-то, он устроил целый допрос. До этого, на Променаде он задавал вопросы прямо, слишком резко. И все равно они звучали не так. Сейчас Рид задает вопросы слегка порицательно и далеко не слегка поучающе.

– Разве ты не говорил, что работаешь консультантом по бизнесу?

– Говорил, – отвечает он мрачно, затем затихает. Наступает долгое молчание, дождь перешел в монотонный, но сильный ливень. Рид кряхтит и снова спрашивает:

– А откуда у тебя медицинская страховка?

– Ой, смотри, – обрываю его я, кивая на ту сторону улицы. Голос у меня все еще радостный, а вот на душе кошки скребут. – Там магазин носов для любопытных

варвар. А прямо рядом с ним бутик для тех, чье мнение никто не спрашивал.

Я не смотрю на него, но знаю... знаю, что он делает. Тоже смотрит на ту сторону улицы. Понимает, что таких вывесок там нет, но все равно смотрит.

– Я лишь имел в виду, что медицинские услуги стоят целое состояние, и многие люди творческих профессий...

– Рид. – Я поворачиваюсь к нему, скрестив руки на груди, справа на меня – на одежду, лицо, волосы – тут же обрушивается косой дождь.

Никогда не понимала выражение «капать на мозги». Теперь мои мозги оказались под водопадом.

Я делаю глубокий вдох, жду, когда он на меня посмотрит. Чувствую себя как оголенный провод.

– Давай кое-что проясним. Я не испытываю к тебе жалость, так что и к себе жалости не прошу. Я не маньячная пикси-мечтательница, чью жизнь надо организовать. Я хороша в том, что делаю. У меня довольно успешное дело в одном из самых конкурентных городов мира, и оно только растет. И я просто подумала, как здорово, если у меня будет... – Я замолкаю в ужасе, все лицо горит. Я хотела сказать «друг». Господи, что же я делаю? Зачем все это ему рассказываю?

– Что будет? – спрашивает он.

– С кем погулять, – вяло заканчиваю я. – Как я уже говорила.

– Тебе есть с кем погулять.

– Я не... – Боже мой. Как же обескураживает... наше общение. То, как он давит на меня с каждым своим вопросом, как заставляет меня произносить те вещи, которые не надо произносить. Как не дает просто хорошо проводить время.

– Я не то имела в виду, – говорю я.

Вокруг нас все затихло, дождь внезапно успокоился и теперь превратился в мелкую морось. Только с навеса шлепаются крупные капли, и за две секунды улица вновь наполняется людьми, вышедшими из своих укрытий на время ливня. Рид наблюдает за ними с напряженным, печальным, но таким красивым видом, и даже разочаровавшись в этой встрече, я все еще чувствую что-то – эмпатию, нашу связь.

Само собой, никакой связи нет. Я выхожу из-под навеса. Большая капля срывается с навеса и бьет меня по лбу, прямо по прыщам. Нет зонта – нет достоинства. Что за дурацкий день.

– Мэг, – зовет он мягко. На секунду мне кажется, что у него... просящий взгляд? Но он снова замолкает. Ему нечего больше сказать. Вся эта ситуация со мной с самого начала была для него болезненной.

Он предлагает мне зонт, но я отмахиваюсь.

– Это была ошибка, – говорю я, и теперь он не кашляет, услышав это слово. То самое слово. Только смотрит на меня, держа в руке этот идиотский сорокапроцентовероятностный зонт, толку от которого теперь, как и от нашей прогулки.

Я разворачиваюсь и ухожу, спиной чувствуя, как оставляю дорожку из букв того самого ужасного слова.

? ? ?

Возвращаюсь домой вся вымокшая, с всклоченными волосами, злая как собака. По сути, я выгляжу, как бездомная кошка, если к бездомным кошкам пристают в метро по два раза на дню – первый мужчина настаивал, чтобы заняла его место, а когда я наконец сказала, что лучше постою, он обозвал меня «неблагодарной сучкой». Второй мужик, его друг, сказал, что любит «девчонок» с характером и вызывающе, омерзительно уставился на мой пах. Выходя, я незаметно прилепила жвачку к лямке его рюкзака, но раз она не может растянуться и заключить его и его придурка-друга в большой, безвоздушный пожеванный кокон моей феминистской ярости, радоваться нечему.

– Эй, ты вернулась!

Я сейчас настолько злая и расстроенная, что ни частички благодарности, или облегчения, или надежды не чувствую от того, что Сибби здесь и встречает меня, будто каждый день только и ждет моего прихода домой. Она сидит за двухместным столиком на кухне, перед коробкой лапши на вынос, и вся эта картина меня только раздражает. Мало того что волосы у Сибби сухие, они еще и отлично уложенные. Стрелочки на глазах выглядят идеально, а вот половина моей туши наверняка уже растеклась по лицу. И это я еще ни слова не сказала о ее ровной коже. Да и лапша из моего любимого ресторанчика.

– Мне надо принять душ. – Она поражается моему тону. В последние пару месяцев я как только с Сибби не разговаривала: просьбами, вежливо, наверное, даже отчаянно. Но зло и резко – никогда.

– Да, конечно, – отвечает она, взмахнув пластиковыми палочками для еды. Вообще-то это мои пластиковые палочки, и пусть домогательства в метро с этим не сравнятся, но хотелось бы мне иметь при себе жвачку.

– Тебе двадцати минут хватит? Я иду к Элайдже, но сначала хотела кое-что обсудить с тобой.

Мне хочется сделать самый глубокий в мире демонстративный вздох. Что бы она ни сказала, этот день уже ничто не исправит; я слышу, как душ зовет меня, но лучше сначала покончить с этим. Зато потом я смогу одновременно поплакать и о дурацкой ссоре с Ридом, и об этом разговоре. Выкуси, Рид! И кто теперь рациональный? Снимаю сумку и небрежно кидаю на пол, на что в ответ получаю очередной изумленный взгляд. Я, конечно, не чистюля, но с самого начала нашей совместной жизни я старалась этого не показывать, скрывала от Сибби все признаки неряшливости. Ей всегда нравился порядок, а я – эм – подстраивалась.

– Просто расскажи сейчас. Уверена, много времени это не займет. – С тобой теперь ничего не занимает много времени. Во мне сейчас столько пассивной агрессии, что можно на видео записать и отправить маме. Она бы мной гордилась.

– Ладно, – растягивает Сибби. – Ну, я знаю, что говорила про конец лета. – Она замолкает.

Я выпускаю тихий, неуловимый вздох.

– В этом же здании сдаётся другая квартира, и, Мэг, она намного лучше. На кухне такое классное окно, и...

– Это мои палочки для еды, – вырывается из меня. Она недоуменно моргает. – Не важно. Забирай. Мне все равно.

– Брось, Мэг, – произносит она заботливо. Какой смысл в этой заботе сейчас, когда за последние месяцы она нанесла мне тысячу мелких ран своими словами? Я массирую пальцем висок, потираю все еще мокрый лоб, болезненно задевая прыщики. Плечи, спина и ноги ноют от усталости. Правда в том, что мы обе знаем: я не стану с ней ругаться. Особенно из-за переезда. Если хочет уйти, пусть уходит. Иначе только хуже будет, я знаю – родители с самого моего рождения держались за свой брак, говоря, что «надо быть вместе ради ребенка».

– Слушай, у меня был сложный день. – Я наклоняюсь, поднимаю с пола сумку, стараясь не подавать вида, будто все, о чем я думаю – это сейчас же отправиться в душ и нареветься вволю. – Если не в конце лета, то?..

Она опускает взгляд на лапшу. Вот и тяжелый разговор. Мои и так напряженные плечи напрягаются еще сильнее.

– Можно будет заехать уже в конце июня.

– Это... скоро. – Слишком скоро, чтобы я успела найти соседку. Да и в любом случае я надеялась, что она не понадобится мне сразу же после переезда Сибби.

Я бы получила работу в «Счастье сбывается».

Во мне поднимается очередная волна гнева, непреодолимо хочется уйти отсюда, подавить этот гнев.

– Я думала позвонить папе, – говорит Сибби, – чтобы отдать тебе деньги за квартиру до конца лета, несмотря на то что съезжаю раньше, чем говорила.

Теперь это я недоуменно моргаю. Сибби перестала брать деньги у отца примерно четыре года назад, когда он приехал в Нью-Йорк на конференцию. Они сходили в ресторан и на какой-то мюзикл, который Сибби уже три раза смотрела. Потом они сидели в баре отеля, и мистер Мичелуччи сказал Сибби, что не хочет и никогда не захочет видеть ее на сцене. «Ты не как эти девушки, Сибил, – сказал он ей. – У тебя же ни голоса, ни внешности, ни фигуры. В твоём возрасте пора уже быть серьезнее».

Позже, дома, она не могла перестать плакать, давясь на каждом сказанном им слове, и в тот момент мое сердце разбилось. Как лучшие друзья, мы любили и ценили все похожести и совпадения между нами, но я бы ни за что не пожелала ей разрушенных отношений с одним из родителей, как у меня в семье, – особенно с папой. Они всегда были очень близки, он всегда ее поддерживал.

Так что я знаю, как сложно ей будет просить его об этом.

– Не звони ему, – говорю я. Я растеряна и злюсь на Сибби. Но, с другой стороны, все еще люблю ее. Все еще желаю ей счастья. И раз она готова на такой шаг, значит, переезд сделает ее счастливой. – У меня есть деньги.

– Неужели? – ритмично пропевает она. Пошел ее папа в мой кокон из жвачки к тем придуркам. Он так ошибся. У нее есть все: и голос, и внешность, и тело, что бы это ни значило. Дело лишь в том, что у многих в этом городе есть все то же самое.

– Да, да, – я... почти пишу. – Я справлюсь.

Я уже вспоминаю, сколько у меня на счете в банке (счете для малого бизнеса, прошу заметить), какие есть сбережения, сколько проектов у меня намечается на следующие несколько недель и когда снова надо будет оплачивать налоги. Просто дико, как пощечина бесит мысль о том, насколько же кстати было бы сейчас иметь под рукой биржевого аналитика, который рассчитает все это в уме. Красавчик-калькулятор, который всегда с собой.

– Можем позже все обсудить? Мне очень надо в душ.

– Конечно. – Она берет телефон, лежавший сбоку от коробки с лапшой, смотрит на время.

– А почему у тебя был такой тяжелый день?

Я смериваю ее долгим взглядом. Что я успею объяснить за пару минут до ее ухода? Есть ли вообще в этом смысл, учитывая, как редко мы стали общаться? Болезненно вспоминаю о Риде и его коротких, четко по делу вопросах. В которых он выражает мнение, о котором никто не спрашивал. Не спрашивал, но все же.

Вопросы – это не так уж плохо.

Я не отвечаю ей. Только пожимаю плечами и указываю на свое мокрое, помятое лицо, на забрызганную одежду, желаю ей хорошего вечера с Элайджей. Ухожу в свою комнату и закрываю дверь.

Перед тем как раздеться, я достаю телефон из сумки и, держа его в руке, несколько минут осматриваю комнату. Неделями я видела здесь только бардак на рабочем столе, следы работы, которую я делала и переделывала, пытаюсь справиться с проектом «Счастье сбывается». Конечно, в целом комната маленькая и немного неприбранная, но обустроена уютно и заботливо. Идеальное стеганое одеяло с пухлыми голубыми квадратами. Большие белые подушки с серыми вензелями, которые я придумала, – этакое потворство вышедшей в «Таймс» статье. Яркий розовый шарф на прикроватной лампе. Статуэтка из розового золота, которую Сесилия подарила мне на позапрошлом Рождество: отдыхающая птичка, ее округлое тельце в руке охлаждает и успокаивает. Моя картина: очертания зданий Манхэттена, где сами здания я сделала из надписей крошечным старым латинским шрифтом – обрывки услышанных разговоров в метро, разделенные только точками.

Я не хочу переезжать отсюда сейчас. Не хочу очередных потрясений.

Но мне нужны деньги – и как можно скорее, – чтобы остаться здесь. Поскольку я больше не буду гулять с Ридом, будет достаточно времени на работу.

В голове слышится фраза, сказанная Риду: «Мне легко найти заказы, я востребована».

Я включаю телефон, пролистываю список контактов.

– Сесилия, – говорю я, когда она берет трубку. – У тебя остался номер женщины, о которой ты говорила?

Глава 6

Не хочу преувеличивать, но... это чертова кинозвезда!

То есть не Мерил Стрип, конечно. Но в одном фильме она точно снялась, и я его смотрела. Фильм назывался «Палатка принцессы», и мы с Сибби не только ходили на него в кино, когда нам было по 14, но еще и смотрели его больше чем на половине наших ночевок.

«Палатка принцессы» совершенно объективно не хорошее кино, особенно с репликами вроде: «Не платье делает тебя принцессой... а твое сердце» и «Пусть моя палатка крошечная, но этот огромный замок – тюрьма». Годами после наших ночевок мы с Сибби обменивались этими фразами по поводу и без и безудержно хохотали.

Даже подшучивая над фильмом, мы его любили: это история о пропавшей принцессе, которая считает себя сиротой и которой надоело постоянно переходить из одной приемной семьи в другую. Сильная и находчивая девушка стала жить одна на опушке леса. В школе ее тайну не знает никто, даже красавчик, с которым она ходит на английскую литературу, который пишет странные стихи – настоящий подвиг, что тут говорить, – и всегда берет с собой лишний сэндвич, чтобы ее угостить. Мы с Сибби настолько прониклись историей, что сожгли бы кинотеатр дотла, если бы у принцессы Фредди (само собой, ее полное имя Фредерика) не было хеппи-энда (с диадемой, замком, палатками на газоне и парнем-поэтом с запасом сэндвичей). Так что им повезло, что все хорошо закончилось.

Повезло и юной знаменитости, благодаря которой «принцесса Фредди» стала именем нарицательным, ведь в пятницу днем я стою на пороге их с мужем-актером, а теперь и режиссером, новенького особняка в Ред-Хуке рядом с домами, похожими на крутые таунхаусы тем, что соединены друг с другом, но не похожи на них своей брутальной современностью: у одних фасады отделаны деревом, дочерна выгоревшим на солнце, у других покрытие напоминает матовую изнанку фольги, у третьих, включая дом актрисы, это сталь с налетом рыжей ржавчины. И во всех домах на втором и третьем этажах высокие окна, такие, которые любой дизайнер интерьеров запретит завешивать шторами. Мне такие дома не нравятся, но я достаточно прожила в Нью-Йорке, чтобы понимать: эта домина обошлась им по меньшей мере в два миллиона долларов или больше, в зависимости от того, что внутри.

Скоро я узнаю, но прямо сейчас самое главное – не уронить челюсть от того, что ассистентка актрисы Ларк Таннен-Фишер, Джейд, показывает мне бумажку, которая, как она меня «заверяет», не является юридически обязательной, но в то же время содержит пугающие слова вроде «специалист» (что, думаю, подразумевает меня) и «расторжение» (надеюсь, не меня на части, но кто знает). Я здесь от силы три минуты, и даже понимая, что ничего не буду подписывать, пока не покажу бумагу адвокату (да, я знаю, когда надо звать адвоката! Выкуси, Рид!), я все еще не могу осознать, с кем встречаюсь, по словам Джейд.

Повторюсь: это чертова кинозвезда!

Когда я отрываюсь от не являющейся юридически обязательной бумаги, Джейд смотрит на меня с белоснежной улыбкой.

– Ларк очень хочет с тобой встретиться. Она обожает твою инсту.

– Супер! – отвечаю я, но в моей голове звучит только одно: «А здесь есть где-нибудь палатка?» Весь путь по коридору, пахнущему свежей краской и деньгами, я не могу выкинуть это из головы. Наверное, так бы и думала об этом дальше, если бы мы не вышли наконец в огромную кухню-столовую-гостиную, просторную и полную света. Мебели пока не много, но она просто потрясающая: изысканная стенка из темного дерева во всю стену, стальная электроника, бытовая техника, массивный остров из белого мрамора, над которым висят стеклянные лампочки. А на потолке – произведение искусства, люстра, в которой ветви изящно переплетаются с хрупкими стеклянными призмами. А там, где,

вероятнее всего, будет стоять гостинная мебель, – низкий, широкий камин, встроенный в стену из белого кирпича. Над камином и по сторонам от него окна, выходящие на обустроенный внутренний дворик, ради которого половина Бруклина точно кого-нибудь бы расторгла.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бренд канцелярских товаров. (Здесь и далее прим. ред.)

2

Брашпен (англ. brushpen) переводится буквально как кисть-ручка и представляет собой ручку с чернильным картриджем и кисточкой-наконечником из полимерного или натурального материала, предназначенную для рисования.

3

Американское интернет-издание.

4

Комедия Уильяма Шекспира.

5

Театральная программа, в рамках которой постановки шекспировских пьес проходят в театре Делакорте, театре под открытым небом в Центральном парке Нью-Йорка.

6

Пьеса Уильяма Шекспира, относимая к трагедиям.

7

Классическая фраза злодеев из мультсериала «Скуби-ду».

8

Напиток на основе кофе и молока, который готовится из эспresso с последующим добавлением горячего молока в пропорциях 1:1. Родиной напитка считается Испания, а его название происходит от испанского слова cortar, что означает «резать».

9

Фирма, производящая карандаши с белым корпусом и сбалансированным графитом.

10

Небольшой по территории штат на востоке США.

11

Рассказ Эдгара Алана По, в котором повествование ведется от лица безымянного рассказчика, убившего старика, с которым он жил под одной крышей.

12

Бренд канцелярских товаров.

13

Заболевания, передающиеся половым путем.

14

Крендельки.

15

Главный антагонист вселенной Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец».

16

Глиф – элемент письма, единица графики.

17

Леттеринг считается формой искусства, где каждая буква во фразе выступает в качестве иллюстрации и создается с вниманием к деталям. На основе леттеринга обычно не создают шрифты, поскольку буквы рисуют с учетом конкретного слова.

Купить: https://telnovel.com/kleyborn_keyt/lyubov-s-chistogo-lista

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)